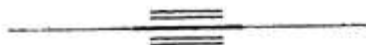

5 R
57

Александръ Введенскій.

X

Сектанты о сектантахъ

Складъ изданія
въ Одесскомъ Отдѣленіи книжнаго магазина А. С. Суворина „Новое Время“.
1915 г.

Правда о духоборахъ.

(Предисловіе автора).

Петръ Веригинъ во время своей поѣздки въ Россію, при помощи Ивана Трегубова и другихъ довѣрчивыхъ людей, помѣстилъ нѣсколько статей въ русскихъ газетахъ, гдѣ восхваляетъ общину канадскихъ духоборовъ, высказывая, что община вытекаетъ изъ религіознаго міровоззрѣнія и что она управляется комитетомъ выборныхъ духоборовъ, и что онъ, Веригинъ, обыкновенный членъ духоборской общины и такъ далѣе.

Люди, интересующіеся духоборскимъ вопросомъ, читаютъ сіи статьи съ восхищеніемъ, завидуя общинѣ духоборовъ, и не замѣчаютъ, что они имѣютъ ложное представленіе о духоборахъ.

Мы же, сибирскіе духоборы, прочитавъ сіи статьи, увидѣли, что тамъ мало правды, а больше лжи, а потому почли своимъ долгомъ вывести публику изъ заблужденія и, чтобы возстановить истину, рѣшили описать всю правду, не скрывая того, что всегда скрываютъ духоборы отъ постороннихъ людей.

* * *

Скажемъ, хотя вкратцѣ, о духоборскомъ руководителѣ Петрѣ Васильевичѣ Веригинѣ. Чтобы лучше уяснить происхожденіе и воспитаніе Петра Веригина, я начну съ его отца. Отецъ его, Василій Веригинъ, жилъ въ селѣ Славянкѣ въ Елисаветпольской губерніи. Будучи одинъ сынъ у своего отца, онъ, по смерти его, получилъ немалое наслѣдство: нѣсколько десятковъ тысячъ рублей денегъ и богатое хозяйство,—нѣсколько тысячъ барановъ и много лошадей и рогатаго скота. Василій Веригинъ имѣлъ семь сыновей и двѣ дочери. Какъ самъ Василій Веригинъ, такъ и всѣ сыновья его очень большого роста, и отличаются особенной физической силой, а еще болѣе они отличаются своей гордостью

и властолюбіемъ. А такъ какъ всѣ духоборы занимаются сельскимъ хозяйствомъ и ведутъ самый простой образъ жизни, то Веригинъ со своими сыновьями не находили равныхъ себѣ среди духоборовъ. Имъ приходилось искать друзей на сторонѣ. Вокругъ Славянки живетъ очень много кавказскихъ татаръ, самое отчаянное племя, которые часто производятъ покражи и грабежи. Среди тѣхъ татаръ есть много потомственныхъ мелкихъ князей, которые владѣютъ землей, какъ и всѣ русскіе помѣщики, и всѣ тѣ татары, которые живутъ на княжеской землѣ, находятся въ полномъ подчиненіи у тѣхъ князей, чья земля. Василій Веригинъ со своими сыновьями считали себя равными татарскимъ князьямъ, а потому они вели съ ними самую близкую дружбу, приглашая ихъ къ себѣ въ гости, и сами очень часто бывая у нихъ. У татаръ вообще многоженство, въ особенности среди князей, а на подчиненныхъ имъ людей князья смотрятъ, какъ на рабочій скотъ и за малые сопротивленія жестоко наказываютъ ихъ. В. Веригинъ съ сыновьями, вращаясь въ кругу татарскихъ князей, охотно усваивали себѣ тѣ же приемы, которые не замедляли осуществлять на дѣлѣ. Однажды В. Веригинъ былъ выбранъ волостнымъ старшиной, и онъ сразу настолько поработилъ подчиненныхъ ему людей, что они не разъ раскаивались, что выбрали сами для себя палача. Онъ безъ плети не выходилъ никуда изъ дому. Какъ кто сказалъ слово не по немъ, такъ плетью черезъ лобъ. Кто, не видя его, не скинетъ шапки и не поклонится ему,—тоже плетью. Разъѣзжая верхомъ по селу, противъ чьего дома увидитъ пустячную нечистоту,—позоветъ хозяина дома, и—плетью. До того дошло, что стали прятаться люди, когда онъ ѣдетъ по улицѣ, и очень были рады всѣ, когда онъ кончилъ срокъ своей службы.

Такъ мнѣ рассказывали старички, жившіе въ селѣ Славянкѣ, когда я съ ними зимовалъ въ Александровской тюрьмѣ на пути въ Якутскъ. Самъ В. Веригинъ былъ безграмотный. Старшіе сыновья — Иванъ, Θεодоръ, Прокофій и Лукьянъ мало жили дома. Они болѣе находились со скотомъ въ горахъ между татаръ. Всѣ они хорошо могутъ говорить по-татарски, и всѣ они славились особенной храбростью. Ружье и палка было любимое ихъ занятіе. Какъ ни отчаян-

ны кавказскіе татары, но Веригиныхъ сыновей они боялись. Гдѣ находились со скотомъ Веригины, никто не осмѣлился приблизиться, въ особенности ночью, а если кто приблизится, хотя нечаянно,—то не проси милости. Это рассказывали мнѣ сами старшіе сыновья Веригины въ той же тюрьмѣ. Они съ наслажденіемъ рассказываютъ про свои многочисленные подвиги и придаютъ имъ особое значеніе. А меньшихъ трехъ сыновей,—Василія, Петра и Григорія В. Веригинъ задумалъ выучить грамотѣ, подготавливая ихъ къ коммерческимъ дѣламъ. Онъ нанималъ учителя и училъ ихъ дома у себя. Какъ только сыновья Веригина научились читать и немного писать, то отецъ ихъ думалъ, что они получили полное образованіе и потому не сталъ болѣе учить ихъ, и какъ только они подросли, то Веригинъ завелъ торговлю: открылъ въ своемъ селѣ лавку съ краснымъ товаромъ. Меньшій сынъ, Григорій, былъ еще молодъ, а главными торговцами были Василій и Петръ. Поторговавъ не долгое время, отецъ захотѣлъ провѣрить торговлю. При провѣркѣ въ лавкѣ оказались большія нехватки въ товарѣ. При дознаніи отца оказалось, что грамотные сыновья, по примѣру татарскихъ князей, вели обширное знакомство съ женщинами и дѣвушками... Еще у Веригина есть зять Иванъ Конкинъ*), также грамотный. Они составили компанію съ сыновьями Веригина и начали покупать овечью шерсть у своихъ односельчанъ и продавать съ пользой. Но на этотъ разъ они ужъ не хотѣли проторговаться, а хотѣли навестать и то, что проторговали раньше, но опять потерпѣли неудачу въ торговлѣ. Старшихъ 4-хъ сыновей В. Веригинъ видѣлилъ. Они вели каждый свое хозяйство отдѣльно отъ отца. А грамотные сыновья Веригина были неспособны ни къ скотоводству, ни къ хозяйственнымъ работамъ, да и въ торговлѣ имъ какъ то не удавалось, а потому богатство В. Веригина съ каждымъ днемъ стало незамѣтно истекать и черезъ недолгое время дѣдовское наслѣдство приходило къ концу. Но грамотные сыновья Веригина, несмотря ни на что, продолжали чисто одѣваться, умываться пахучимъ мыломъ и аккуратно причесывать волосы, а потому по наружности казались много красивѣе и деликатнѣе противъ другихъ

*) Женатъ на сестрѣ Веригина, Варварѣ Васильевнѣ. (А. Ч.).

чернорабочихъ мужиковъ, которые ходятъ въ простой одеждѣ, съ загорѣлыми лицами.

У духовоборовъ издавна существовалъ общественный сиротскій домъ съ большими капиталами и богатымъ хозяйствомъ. Въ то время, какъ сиротскимъ домомъ, а также всѣми духовоборами управляла духовоборская руководительница, вдова Лукерья Васильевна Калмыкова, которая обладала рѣдкимъ умомъ и особеннымъ добродушіемъ, а потому управленіе ея было настолько разумно, что ее любили не только всѣ духовоборы, но и всѣ посторонніе люди, которые знали ее. Въ описываемое нами время Лукерья В. Калмыкова пріѣзжала въ село Славянку; послѣ ея посѣщенія П. В. Веригинъ, оставивъ жену и маленькаго сына, уѣхалъ въ село Горѣлое къ Л. В. Калмыковой и съ тѣхъ поръ въ теченіе пяти лѣтъ П. В. жилъ въ сиротскомъ домѣ, не занимая никакой опредѣленной должности. Всѣ порядки велись по старому установленію Лукерьи Васильевны, а потому нельзя было узнать, какого характера Петръ Васильевичъ, хотя придворные Лукерьи Васильевны говорили очень много нехорошаго о его домашнемъ поведеніи, но имъ никто не вѣрилъ, потому что всѣ видѣли П. В. всюду развѣзжающимъ вмѣстѣ съ Лукерьей Васильевной.

Но по смерти Л. В., несмотря на то, что Л. В. при живости не оставила никакого духовнаго завѣщанія и словесно не утвердила его на свое мѣсто, Веригинъ сразу началъ оказывать свою власть. Еще при погребеніи Л. В. онъ распоряжался надъ людьми, за что всѣ приближенные Л. В. сразу возстали противъ него. Духоборы на столько были перепуганы неожиданной смертью Л. В., что не знали, что имъ и дѣлать. Они такъ привыкли жить подъ ея покровительствомъ, что имъ казалось, что безъ нея и жить нельзя. Они невольно думали, кто бы замѣнилъ ея мѣсто. Они задавали другъ другу вопросы: „Кто же у насъ будетъ вмѣсто Л. В.?" А другіе говорили: „Да, навѣрно, П. В.: онъ что то смѣло распоряжается. Можетъ, ему Л. В. приказала управлять нами, да можетъ, онъ для того и взять въ сиротскій домъ“. А нѣкоторые приходили къ самому П. В. и спрашивали его, кто долженъ занять мѣсто Лукерьи Васильевны. П. В. прямо не говорилъ, что онъ, а только дѣлалъ доводы.

Онъ заявлялъ имъ пророчески, что вотъ приходитъ время второго пришествія Христова и наступаетъ день страшнаго суда его, а потому вы должны молиться Богу, чтобы Богъ далъ вамъ разумѣніе познать Христа, явившагося къ вамъ во плоти, и еще много говорилъ въ этомъ родѣ. Духоборы эти слова его разносили всюду и толковали кто какъ попалъ. Вокругъ П. В. скоро образовался кружокъ людей, которые внушили всѣмъ духоборамъ, что они знаютъ именно, что П. В.—Христось. Одни изъ нихъ говорили, что слышали, что Л. В. говорила, что П. В. будетъ судить весь міръ, а другіе говорили, что они видѣли чудо, сотворенное Петромъ Васильевичемъ, а одному старику, Савелію Чулкову, было приказано говорить народу, что онъ помнитъ день рожденія П. В. Будто онъ, Чулковъ, въ то время былъ въ селѣ Славянкѣ, и въ ту ночь, когда родился П. В., онъ видѣлъ, какъ звѣзда съ неба упала на домъ Веригина и разсыпалась и будто ему, Чулкову, было сказано, что родился Христось и приказано молчать до времени, а теперь пришло время говорить. Старикъ и сейчасъ живъ въ Канадѣ и теперь рассказываетъ духоборамъ объ упавшей звѣздѣ на домъ Веригина.

Изъ всего этого видно, что въ то время духоборы находились въ такомъ настроеніи, что П. В.-чу не надо было имѣть особаго разума и большой энергіи, чтобы сдѣлаться вождемъ духоборовъ, а ему надо было только одно, это—подавить голосъ совѣсти, чтобы онъ не обличалъ его въ притворной святости. Это ему удалось. Властолюбіе одержало побѣду надъ совѣстью.

II.

Первое поклоненіе Веригину произошло въ нашемъ селѣ Богдановкѣ. Я все это помню какъ сейчасъ. Мнѣ тогда было 17 лѣтъ. У духоборовъ были установлены трехдневные праздники, въ каждомъ селѣ въ разное время. Въ то село, гдѣ былъ праздникъ, съѣзжались со всѣхъ селъ родственники и знакомые. Часто приглашали на праздникъ Лукерью Вас-ну и другихъ живущихъ въ сиротскомъ домѣ. Въ нашемъ селѣ, Богдановкѣ, праздновался новый годъ. Вскорѣ послѣ

смерти Лукерьи Васильевны наступилъ нашъ праздникъ. Наши старики по обыкновенію послали двухъ человѣкъ пригласить живущихъ въ сиротскомъ домѣ, а болѣе П. В. На другой день пріѣхалъ П. В. въ наше село въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ мужчинъ, его прислужниковъ. А такъ какъ духоборы въ то время пили еще водку, то самъ П. В. и его прислужники пріѣхали полупьяными, потому они были очень смѣлы и веселы. П. В. заѣхалъ въ тотъ домъ, куда заѣжала Л. В. Туда собирались люди со всего села. Я все время присутствовалъ при П. В., зорко слѣдилъ за каждымъ его словомъ и движеніемъ. Наши сельчане приглашали пріѣзжихъ въ гости, каждый къ себѣ въ домъ. П. В. держалъ себя совсѣмъ отдѣльно отъ другихъ людей. Онъ былъ очень распорядителенъ и показывалъ видъ, что въ немъ что-то есть и люди должны просить его. Онъ придумывалъ разныя шутки и черезъ прислужниковъ давалъ понять народу, что это онъ творитъ чудо. Первымъ долгомъ онъ приказалъ своимъ прислужникамъ снять овчинныя шубы и выворотить ихъ на обратную сторону, вверхъ шерстью, и надѣть на себя и такъ ходить по селенію, что было моментально исполнено. Старики истолковывали эти чудеса всякъ по-своему. Одни изъ нихъ говорили, что это чудо противъ малой партіи, которая не признала его святости. Это онъ показываетъ, что онъ можетъ ихъ выворотить, какъ шубу, и силой заставить покориться ему. А другіе говорятъ, что это онъ показываетъ, что онъ будетъ судить весь міръ и установить новую жизнь въ другомъ видѣ и т. д. Перейдя въ другой домъ, П. В. началъ задавать людямъ непонятные для нихъ вопросы.

Въ нашемъ селѣ былъ очень набожный старичекъ, Вася Махонинъ. Онъ стоялъ неподалеку отъ П. В. П. В. подошелъ къ нему и громко спросилъ старика: „Скажи мнѣ, старикъ, если бы тебѣ понадобилось разрушать старый домъ, съ чего бы ты началъ ломать, съ крыши или со стѣнъ?“ Старикъ былъ перепуганъ неожиданнымъ вопросомъ, упалъ на землю, кланаясь П. В. и прося его пояснить заданный вопросъ. Это былъ первый поклонъ Веригину. Черезъ минуту П. В. приказалъ старику встать. Старикъ, вставая, наклонился поцѣловать П. В. руку. Я замѣтилъ, что лицо П. В. очень покраснѣло, и онъ какъ будто сконфузился.

Очевидно совѣсть обличила его, и онъ, не отнимая руки отъ губъ старика, окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ. Видя, что всѣ смотрятъ съ благоговѣніемъ, онъ успокоился и поблагодарилъ старика. Послѣ этого всѣ слѣдовали примѣру старика Махонина. Перейдя еще въ другой домъ, П. В. хотѣлъ было показать еще новое чудо, да какъ то дѣло не вышло ладомъ. Онъ шумнулъ: „Подайте мнѣ дѣвку“. Но прислужники не поняли его. Захватили первопопавшуюся молодую женщину и привели къ нему, за что П. В. осердился и выругалъ приведенную женщину и прислужниковъ и объяснилъ, что онъ словомъ дѣвка хотѣлъ сказать что-то другое, очень важное. Я слышалъ разговоръ стариковъ: „Это онъ проситъ отъ насъ дѣло, а они не поняли и притащили женщину“. И еще П. В. продѣлывалъ много шутокъ въ этомъ родѣ, а на другой день П. В. съ прислужниками уѣхалъ домой. Наши сельчане очень рады были, что они первые поклонились Христу, и объ этомъ слухъ распространился по всѣмъ селамъ.

У духоборовъ принято черезъ 6 недѣль поминать покойниковъ. Вскорѣ послѣ новаго года подошло время поминать Лукерью Васильевну. Въ село „Горѣлое“, гдѣ былъ сиротскій домъ, собралось очень много духоборовъ. И были посторонніе люди, и была Ахалкалакская полиція. Когда духоборы окончили всѣ поминальные обряды и по обыкновенію пообѣдали, и послѣ обѣда собрался весь народъ въ одно мѣсто, тогда П. В. вышелъ и сталъ передъ народомъ, какъ вождь, ожидая поклона; тогда всѣ духоборы, за исключеніемъ малой партіи, упали на землю и поклонились П. В. Этотъ общій поклонъ былъ утвержденіемъ П. В. на мѣсто освященное еще духоборскими предками. А разъ онъ завладѣлъ этимъ мѣстомъ, то власть его надъ духоборами стала безгранична и поведеніе безконтрольно.

Родственники Л. В., родной братъ Михаилъ Губановъ и дядя Игнатій Губановъ, а также Алексѣй Зубковъ, прослужившій 25 лѣтъ волостнымъ старшиной у духоборовъ, и всѣ тѣ люди, которые управляли общественными дѣлами при живности Л. В. и жившій въ сиротскомъ домѣ, всѣ они очень не любили П. В. Имъ очень не нравилась его пятилѣтняя жизнь въ сиротскомъ домѣ, а потому они всѣми

силами старались не допустить его до управленія духоборами, и когда они увидѣли, что большинство духоборовъ на сторонѣ П. В., и что они сами не могутъ ничего сдѣлать, то они донесли правительству, что П. В. выдаетъ себя за Христа и хочетъ завладѣть деньгами и имуществомъ, оставленнымъ Лукерьей Васильевной. Они представили брата Л. В., Михаила Губанова, какъ законнаго наслѣдника, имѣющаго право на имущество покойной его сестры Л. В. А большая Веригинская партія духоборовъ заявила правительству, что сиротскій домъ и имущество все принадлежитъ обществу духоборовъ и что они хотятъ поставить за управителя П. В., и потому дѣло о сиротскомъ домѣ перешло въ судъ. А такъ какъ изъ-за П. В. и шла тяжба между двумя партіями духоборовъ, то правительство сначала предложило П. В. уѣхать на родину въ Елисаветпольскую губернію, село Славянку, а духоборамъ приказали, чтобы они выбрали себѣ другого управителя по желанію обѣихъ партій. Но Веригину, какъ видно, не хотѣлось уѣзжать на родину... Дѣдовское богатство было прожито, и ему на родинѣ пришлось бы работать. За неисполненіе требованія правительства П. В. сначала посадили въ тюрьму, а потомъ сослали въ Архангельскую губернію. Одновременно съ П. В. еще было выслано 5 человекъ передовыхъ людей изъ большой партіи. Большинство духоборовъ, питая непримиримую злобу къ той части духоборовъ, которые не повѣрили тому, что П. В. Христосъ и старались не допустить его быть вождемъ, всѣми силами старались отомстить имъ всѣмъ, чѣмъ могли. Ссылаясь на распоряженіе Веригина, бывшаго въ ссылкѣ, духоборы большой партіи собрались всѣ въ назначенный день въ сиротскій домъ и самоуправно выбросили изъ дома всѣхъ живущихъ тамъ людей, не принадлежащихъ къ ихъ партіи, и, не смотря на правительство, завладѣли сиротскимъ домомъ. Но духоборы изъ малой партіи, узнавъ объ этомъ, донесли правительству, которое помѣшало большой партіи исполнить приказъ П. В., послѣ чего въ село Горѣлое (гдѣ былъ сиротскій домъ) правительство прислало солдатъ для охраны сиротскаго дома отъ большой партіи и для усмиренія послѣдней. Солдаты самоуправно брали всѣ продукты отъ духоборовъ большой партіи. Послѣ

этого духовоборы большой партіи прекратили всякое сношеніе съ малой партіей; они не здоровались съ ними и не разговаривали, и если у кого была жена, не признававшая святости П. В., такихъ женъ прогоняли изъ дому; пусть онѣ идутъ въ малую партію, хотя бы у нихъ было много дѣтей, а тѣ жены, которыя жили въ малой партіи и признавали святость П. В., тѣ должны были бѣжать отъ своихъ невѣрующихъ мужей въ большую партію. Умершихъ не хоронили на одномъ кладбищѣ. Духоборы большой партіи, ссылаясь на приказанія П. В., запирали кладбища и выходили навстрѣчу, когда несли покойника изъ малой партіи, и не пускали ихъ на кладбища. Объ этомъ донесли правительству. Правительство выслало стражниковъ, которые разгоняли духовоборовъ большой партіи, караулившихъ кладбище, ломали замки на воротахъ кладбища и хоронили покойниковъ.

А у тѣхъ мужей изъ большой партіи, которые прогоняли своихъ женъ, правительство приказало оцѣнить ихъ имущество и выдавать на прокормъ ихъ женамъ и дѣтямъ; а тѣхъ женъ, которыя убѣгали отъ своихъ мужей изъ малой партіи въ большую, правительство силой водворяло ихъ въ семьи. Каждый день были новые разводы мужей съ женами. Нашлись цѣлыя сотни осиротѣвшихъ дѣтей. Вездѣ были слышны слезныя рыданія и проклятія. Всѣ духовоборы со слезами вспоминали мирную и спокойную жизнь, прожитую ими при покойной Лукерьѣ Васильевнѣ.

Духоборы большой партіи называли духовоборовъ малой партіи жидами и хриstopродацами за то, что они отвергли Веригина, а сиротскій домъ, вмѣсто прежняго названія—городъ Іерусалимъ, когда Петра Васильевича не стало тамъ, они стали называть городомъ Вавилономъ, а живущихъ въ немъ—халдеями. Такимъ образомъ, П. В. поселилъ вѣчную злобу между двумя партіями духовоборовъ. Между ними завязалась тяжба изъ-за сиротскаго дома и изъ-за П. В. Дѣло дошло до суда. Начальство пользовалось ихъ разстройствомъ, брало съ обѣихъ сторонъ и, такъ какъ общественныя деньги съ сиротскаго дома попали въ руки малой партіи, то они давали денегъ больше, чѣмъ большая партія, и по-

тому начальство притѣсняло болѣе большую партію: ставило имъ правительственныхъ старшинъ и присылало нѣсколько разъ солдатъ и казаковъ въ виду экзекуціи.

Петръ Васильевичъ приказалъ большой партіи нанять адвоката, который бы защищалъ ихъ сторону на судѣ и назначить повѣренныхъ. Главными повѣренными выступили братья П. В.—Иванъ и Василій Веригины и зять Веригина—Иванъ Конкинъ. Въ помощь было выбрано еще нѣсколько человѣкъ изъ среды духоборовъ. Главные повѣренные безпрестанно разъѣзжали на счетъ большой партіи. Они проживали большую часть времени въ городѣ Тифлисѣ и израсходовали нѣсколько десятковъ тысячъ рублей общественныхъ денегъ. А адвокаты были наняты съ обѣихъ сторонъ и согласно оттягивали духоборское дѣло, старались насколько можно больше вытянуть денегъ съ духоборовъ, такъ что духоборамъ большой партіи приходилось дѣлать денежные сборы чуть не каждый день. Тогда П. В. приказалъ духоборамъ большой партіи прекратить дѣло въ судѣ и отступить совсѣмъ отъ сиротскаго дома, объяснивъ имъ, что сиротскій домъ только тогда бы былъ дорогъ, когда была бы въ немъ Божья благодать, то есть тогда, когда бы онъ, Веригинъ, жилъ въ немъ, а теперь онъ ничего не стоитъ. И всѣ духоборы большой партіи охотно согласились забыть про сиротскій домъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ П. В. предупредилъ духоборовъ, чтобы они со страхомъ молились Богу и ожидали каждую минуту того времени, когда онъ, П. В., будетъ перечислять духоборовъ и отдѣлить вѣрующихъ отъ невѣрующихъ, и вѣрующимъ даруетъ вѣчную радость, а невѣрныхъ осудить на погибель. Духоборы, вставая утромъ рано, собирались молиться Богу, а потомъ разъѣзжались на полевые работы. Вечеромъ, по возвращеніи съ работы, опять собирались на молитву. Кромѣ того, каждый у себя дома, стоя на колѣняхъ, со слезами молился, чтобы получить награды, обѣщанныя имъ Петромъ Васильевичемъ.

Самъ же П. В. половину времени своей ссылки жилъ въ городѣ Шенкурскѣ, Архангельской губерніи. Не видя конца въ общественныхъ деньгахъ, онъ велъ самый роскошный образъ жизни, занимая самую большую дорогую квар-

тиру и велъ знакомство съ богатыми людьми, съ уѣзднымъ исправникомъ и другими. Вокругъ него всегда было не мало своего народа, напримѣръ, постоянно жилъ Василій Обѣдковъ, а то пріѣзжали его родные братья и другіе его любимцы, и попеременно проживали тамъ... Съ Кавказа привели ему также трехъ самыхъ лучшихъ иноходныхъ жеребцовъ и хорошую верховую сбрую, сѣдло и другія принадлежности съ серебряной отдѣлкой, стоящія нѣсколько сотъ рублей, и еще ему отвезли хорошее ружье, стоящее 150 рублей, и шелковыя одѣяла, и много другихъ бездѣлушекъ. Когда П. В. катался по городу, то всѣ жители города любовались кавказскими рысаками *). Петръ Васильевичъ тамъ устраивалъ всевозможныя увеселенія и одновременно съ этимъ П. В. присылалъ посланниковъ и поучительныя письма, въ которыхъ говорилъ духовоборамъ, что приблизилось царство Божье и предупреждалъ духовоборовъ, что путь въ царство тѣсенъ и труденъ, усянъ терніемъ и шиповникомъ, но въ концѣ этого пути разстилаются поля вѣчнаго покоя, гдѣ ликуютъ ангелы, и потому онъ совѣтовалъ духовоборамъ не жалѣть своего тлѣннаго имѣнія, а отдавать все во славу Божью. Одновременно съ этимъ П. В. назначилъ съ духовоборовъ денежный сборъ стотысячнаго капитала. Этотъ сборъ онъ представилъ духовоборамъ въ видѣ святыни, такъ чтобы каждый духовоборъ долженъ былъ раздѣлить до копѣйки имѣющіяся у него деньги и половинную часть отдать въ распоряженіе П. В., а кто утаитъ хоть одну копѣйку, тотъ уподобится Лотовой женѣ и другимъ богоотступникамъ. Духоборы со страхомъ раздѣлили все до гроша и набралось денегъ болѣе ста тысячъ рублей. Сначала духовоборы думали, что этотъ капиталъ замѣнитъ бывшій у нихъ когда-то сиротскій домъ, то-есть, будетъ служить для поддержанія бѣдныхъ, сиротъ и калѣкъ и такъ далѣе. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ не такъ. Деньги изъ того капитала расходовались на разныя

*) Всѣ эти подробности мы узнали отъ тѣхъ людей, которые по долгу проживали съ П. В. въ Шенкурскѣ, Пономарева и Обѣдкова, и отъ братьевъ Веригиныхъ, съ которыми находились въ Тифлисской тюрьмѣ. Они съ восторгомъ рассказываютъ всѣ мелочи изъ жизни П. В. въ Шенкурскѣ и придаютъ каждому его поступку особо важное значеніе. (В. П.).

прихоти... Кромѣ того, родные братья Веригина, и другіе его любимцы, разѣзжали на эти деньги и много разѣздили къ П. В., въ г. Шенкурскъ. Предполагалось, что если его отпустить изъ ссылки на Кавказъ, то онъ устроитъ свое постоянное мѣстожителство среди духоборовъ въ Карской области, въ селѣ „Терпѣніе“, а потому онъ и приказалъ своимъ родителямъ и двумъ братьямъ, Василию и Григорію, переселиться изъ Елисаветпольской губерніи, въ село „Терпѣніе“, гдѣ и велѣлъ выстроить себѣ дворецъ, стоящій нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Деньги же на постройку дворца тратили съ упомянутаго капитала, такъ что этого капитала не хватило, и пришлось духоборамъ дѣлать еще нѣсколько сборовъ. Стотысячный капиталъ у духоборовъ въ каждой губерніи хранился отдѣльно нерушимо, какъ святыня. Никто изъ простонародья не имѣлъ права прикасаться къ нему. Только Веригина фамилія не боялась расходовать тѣ деньги, а потому въ Карской и Елисаветпольской губерніяхъ, гдѣ были братья и отецъ Веригина, очень скоро кончили тѣ деньги, а въ Тифлисской губерніи среди духоборовъ не было никого изъ Веригиныхъ, а потому та часть стотысячнаго капитала, которая находилась у нихъ, уцѣлѣла до переселенія въ Канаду.

Братья Веригина, Иванъ и Василій, играли роль временныхъ намѣстниковъ его: Иванъ среди духоборовъ въ Елисаветпольской губерніи, а Василій въ Карской области, а къ духоборамъ, жившимъ въ Тифлисской губерніи, они пріѣзжали только по временамъ. Василій Веригинъ сильнѣе показывалъ свою власть надъ духоборами, во-первыхъ потому, что онъ грамотный, а во-вторыхъ потому, что онъ много разѣздилъ къ П. В. въ Шенкурскъ и передавалъ важныя распоряженія отъ него, а потому его духоборы слушали безпрекословно. По его распоряженію духоборы выстроили ему большой домъ, въ которомъ онъ жилъ со своимъ семействомъ, и его родители и братъ съ семействомъ, и духоборы доставляли имъ деньги и продукты—все, что имъ было нужно. Василій Веригинъ разѣзжалъ по селамъ въ сопровожденіи пѣвчаго хора, состоящаго изъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ и нѣсколькихъ мужчинъ. Въ то время духоборы пили водку, а потому, куда пріѣзжалъ В. В., туда

доставляли сотни бутылокъ пива и другихъ напитковъ. Однажды зять Веригина, Иванъ Конкинъ, пріѣхалъ отъ Петра Васильевича и передалъ духовоборамъ, что П. В. совѣтуетъ ночью выходить на поля и молиться тамъ Богу; въ особенности не пропускать утреннюю зарю, такъ какъ въ то время Богъ раздаетъ таланты. Тогда Василій Веригинъ еще больше набралъ молодежи и по цѣлымъ ночамъ ходили по полямъ и изъ этого вышло безобразное распутство. А съ тѣми духовоборами, которые говорили противъ него хоть одно слово, В. В. расправлялся по-своему. Вотъ примѣръ: у одного молодого духовора, Василя Ремезова, жена была въ хорѣ пѣвчихъ. В. В. постоянно бралъ ее съ собою собирать таланты и всюду возилъ съ собою. Однажды В. В. собирался ѣхать по селамъ и приказалъ, чтобы жена Ремезова ѣхала съ нимъ. Но Ремезовъ сказалъ женѣ своей, чтобы она не ѣхала съ В. В., потому что онъ понялъ, что В. В. ведетъ развратную жизнь. Объ этомъ донесли В. В. Онъ разсердился и приказалъ женѣ Ремезова собираться и ѣхать съ нимъ помимо воли мужа, а у самого Ремезова приказалъ связать назадъ руки и привязать крѣпко спиной къ задку кавказскаго фургона и приказалъ гнать быстро лошадей по мерзлой пашнѣ. Ремезова такъ сильно трясло, что онъ кричалъ, сколько было силъ, а послѣ той расправы онъ почувствовалъ внутри себя сильную боль, отъ которой мучался около двухъ лѣтъ и, попавъ въ тюрьму за сдачу ополченскаго билета, тамъ померъ... Такъ же В. В. поступилъ съ старикомъ Горьковымъ и со многими другими.

Не меньшею властью пользовался зять Веригина, Иванъ Конкинъ. Онъ все то время разъѣзжалъ всюду на счетъ большой партіи. Его Петръ Васильевичъ посылалъ путешествовать съ полякомъ Ясинскимъ по Сибири до Владивостока. Въ то время въ Сибири не было желѣзныхъ дорогъ, а потому путешествіе Конкина и Ясинскаго стоило духовоборамъ нѣсколько тысячъ рублей.

П. В. ожидалъ каждую минуту, что правительство его отпустить на волю, но правительство и не думало его отпустить. Когда кончился срокъ его ссылки, то ему еще прибавили.

Въ то время въ руки Петра Васильевича попали книжки послѣдняго сочиненія Льва Николаевича Толстого, гдѣ

было написано о преступности войны и объ отказѣ отъ воинской службы. Это чтеніе сильно повліяло на П. В. Онъ сразу сократилъ свою роскошь и всѣ приказанія его духовоборамъ получили другое направленіе. П. В. вполне основывался на ученіи Л. Н. Толстого, но только всѣми силами старался показать людямъ, что это онъ самъ выработалъ себѣ такіа понятія*). Петръ Васильевичъ по своей природной натурѣ очень далекъ отъ человеколюбія, но на языкѣ онъ старался показать себя человеколюбивымъ. Онъ передалъ духовоборамъ повелѣніе, чтобы они всѣ оставили пить водку и курить табакъ, черезъ недолгое время онъ передалъ, что нельзя лишать жизни человѣка и животныхъ, а потому онъ приказалъ не употреблять въ пищу мяса. Но ему было мало того, что онъ передалъ духовоборамъ изъ ученія Л. Н. Толстого, ему еще хотѣлось самому придумать что-либо новое, чего еще никто никогда не дѣлалъ. Онъ приказалъ духовоборамъ, чтобы никто изъ молодыхъ людей обоого пола не вступалъ въ бракъ, а находящимся въ супружествѣ велѣлъ измѣнить образъ супружеской жизни, то есть, жить съ женами, какъ братъ съ сестрой. Этимъ онъ доказывалъ чистоту брака и непорочность души, приказывая духовоборамъ очиститься и приготовить себя для встрѣчи Христа, указывая на десять дѣвъ въ евангельской притчѣ. Но изъ этой его затѣи ничего хорошаго не вышло, кромѣ того, что духовоборы большой партіи раздѣлились на двое: половина духовоборовъ совсѣмъ отказалась отъ П. В. и отвергла и тѣ его приказанія, гдѣ онъ не велѣлъ пить водку, курить табакъ и ѣсть мясо, а потому эту половину Веригины называли „мясниками“. Это тѣ духовоборы, которые живутъ и теперь на Кавказѣ. А другая половина духовоборовъ пыталась исполнять этотъ приказъ П. В., но картина получилась очень печальная. Они, подозрѣвая одинъ другого въ этомъ преступленіи и угрожая великимъ грѣхомъ, до того доходили,

*) Бывшіе тамъ въ то время духовоборы рассказываютъ, что П. В. съ большимъ интересомъ читалъ имъ книжки сочиненій Л. Н. Толстого и объяснялъ, что Толстой очень великій человѣкъ. А какъ только П. В. вздумалъ проводить въ жизнь ученіе Толстого, съ тѣхъ поръ ни разу не вспомнулъ о Толстомъ, а говорилъ какъ отъ себя. (В. П.).

что многихъ молодыхъ людей вызывали на преступленія. Тогда духоборы увидѣли, что приказъ П. В. для нихъ непосиленъ, а потому большинство духоборовъ, состоящихъ уже въ супружествѣ, оставили сей приказъ безъ послѣдствій, но большинство молодыхъ не вступали въ бракъ; все готовились для встрѣчи Христа по слову П. В. Послѣ того Петръ Васильевичъ еще много передалъ духоборамъ новыхъ неслыханныхъ ими наставленій. Всѣ посланники, пріѣхавшіе отъ П. В., рассказывали, что онъ говоритъ, что „вы, духоборцы, родъ избранный, истинные христіане, должны оставить все свое тлѣнное нажитіе. Вы не должны физически трудиться, а какъ истинные христіане должны работать духомъ, то есть, проповѣдывать евангеліе, а столъ съ яствами самъ по себѣ будетъ представленъ вамъ. На землѣ всего такъ много, что можно сто лѣтъ не работать, и тогда земля обновится и дастъ обильный плодъ, такъ что безъ труда можно будетъ питаться. Истинные христіане не должны держать у себя денегъ. Разъ на нихъ изображеніе кесарево, то должно ихъ отдать кесарю“,—говорилъ П. В. А еще П. В. совѣтовалъ духоборамъ дать свободу всему существующему, то есть, освободить животныхъ отъ работы, пустить ихъ на свободу. Онъ попятился на семь тысячъ лѣтъ назадъ, совѣтуя духоборамъ взойти въ первобытное состояніе, жить такъ, какъ жили Адамъ и Ева. При этомъ разъяснилъ, что люди извращаютъ свою природу тѣмъ, что носятъ одежду и употребляютъ въ пищу болѣе культурное произведеніе, при семъ высказывая свои мнѣнія, что пища человѣка должна быть воздухъ, вода, фрукты и овощи, и въ заключеніе говорилъ, что если бы люди жили согласно его теоріямъ, то могли бы бѣжать такъ быстро, какъ бѣлка, и могли бы переплывать большія рѣки, какъ животныя, а также рассказывалъ духоборамъ, какъ онъ пробовалъ ѣсть мохъ, которымъ питаются сѣверные олени и говорилъ, что онъ ему показался вкуснымъ: значить, можно питаться дикимъ мхомъ. Всѣ преданные В. П. духоборы всѣ эти его наставленія очень близко принимали къ своему сердцу и считали себя обязанными во что бы то ни стало исполнить все, что говорилъ имъ П. В. Послѣ всего этого П. В. передалъ духоборамъ наставленія изъ ученія Л. Н. Толстого; посовѣтовалъ всѣмъ молодымъ

духоборамъ отказаться отъ военной службы и къ тому же прибавилъ изъ своего соображенія: приказалъ духоборамъ сжечь имѣющееся у нихъ оружіе. Духоборы, еще будучи въ разселеніи, пытались выполнять новыя заповѣди Петра Васильевича. Многіе переставали работать и бросали ѣсть молоко, яйца, медъ и даже чай, отъ чего многіе изъ нихъ поослѣпли и болѣли. Въ то время ихъ застало переселеніе въ Канаду, и они дали себѣ обѣщаніе, чтобы въ Канадѣ исполнить всѣ начатыя ими новыя веригинскія заповѣди. Незадолго передъ этимъ П. В., по распоряженію правительства, перевели изъ Архангельской въ Тобольскую губ., въ село Обдорскъ. Въ Обдорскѣ П. В. жилъ немного скромнѣе, даже иногда пробовалъ учиться работать, о чемъ очень много писалъ духоборамъ. Правительство не позволяло духоборамъ пріѣзжать въ Обдорскъ къ П. В., и потому П. В. въ то время разсылалъ очень много писемъ къ духоборамъ и постороннимъ людямъ, въ которыхъ говорилъ болѣе о духовномъ самосовершенствованіи, и въ каждомъ письмѣ онъ высказывалъ все новыя свои теоріи, которыя, не испытавши на себѣ, онъ приказывалъ исполнять духоборамъ. Онъ часто писалъ, не замѣчая, самъ противъ себя, то начиналъ отвергать грамотность, находя цѣлый рядъ вредныхъ послѣдствій отъ грамоты, а въ другихъ письмахъ пишетъ, что онъ очень радъ, что въ Канадѣ обязательное обученіе грамотѣ. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ, что христіане не должны физически трудиться, а въ другихъ письмахъ онъ пишетъ, что гдѣ бы ни былъ человѣкъ, онъ долженъ трудиться. вмѣстѣ съ тѣмъ П. В. въ своихъ письмахъ хотѣлъ показать, что онъ образованный; для этого онъ руководствовался словаремъ русскихъ и иностранныхъ словъ, употребляемыхъ образованными людьми, а потому его письма были для духоборовъ не совсѣмъ понятны. Часто случалось, что написанное имъ иностранное слово, они понимали въ обратномъ смыслѣ или же совсѣмъ не понимали. П. В., передъ отъѣздомъ духоборовъ въ Канаду, вздумалъ назвать духоборскую общину—христіанской общиной всемірнаго братства, не спрашивая объ этомъ согласія духоборовъ. Онъ писалъ всюду письма, что духоборы получили новое названіе, а ужъ послѣ извѣстилъ объ этомъ и духоборовъ. Нѣкоторые изъ духо-

ровъ, какъ болѣе развитые, сомнѣвались въ этомъ названіи; говорили, какое же тутъ всемірное братство, если мы не имѣемъ права говорить „здорово“ нашимъ братьямъ духовоборамъ и даже родственникамъ, по приказанію того же П. В. А другіе говорятъ: „Не наше дѣло: Христосъ на престолѣ сидитъ и все новое творитъ“.

Еще въ то время, когда отказавшимся отъ службы духовоборамъ объявили ссылку въ Сибирь, то многія изъ ихъ женъ, желая облегчить положеніе своихъ мужей, заявили свое желаніе идти въ Сибирь вмѣстѣ съ мужьями, но мужья имъ посовѣтовали не ходить, пока они не узнаютъ, можно ли жить въ Сибири съ семействами. Будучи въ Якутскѣ, духовоборы узнали изъ писемъ, что кавказскіе духовоборы переселяются въ Канаду, тогда всѣ ссыльные рѣшили посовѣтовать своимъ женамъ не уѣзжать въ Канаду и чтобы желающія пріѣхали къ нимъ въ Сибирь. Для этого они рѣшили изъ среды своей послать человѣка познакомить женъ съ сибирскою жизнью, и чтобы этотъ человѣкъ по пути непременно заѣхалъ въ Обдорскъ къ П. В., посѣтилъ его и узналъ его мнѣніе по этому вопросу. Поѣздка эта угрожала опасностью въ томъ, что ѣхать приходилось безъ разрѣшенія правительства и безъ паспорта, а потому каждую минуту надо было ожидать, что задержать и—снова тюрьма и одиночная ссылка въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири.

По назначенію общества, ѣхать пришлось мнѣ. Въ Обдорскѣ пароходъ остановился въ 9 часовъ вечера. Берегъ, гдѣ собралось много народу для встрѣчи парохода, былъ освѣщенъ фонарями. Я еще съ парохода увидѣлъ Петра Васильевича. Я, сойдя съ парохода, пошелъ ближе и далъ ему понять взглядомъ, и онъ догадался и пошелъ за мною. Отойдя дальше отъ парохода, мы поздоровались и пробыли вмѣстѣ почти всю ночь. А днемъ намъ нельзя было сходить вмѣстѣ: меня бы сейчасъ арестовали, а потому днемъ, для отвода глазъ полиціи, я занимался разными дѣлами: какъ будто покупалъ рыбу и проч., а по ночамъ мы сходились съ П. В. Всего пять ночей провели въ полѣ въ разговорахъ о жизни. Одинъ разъ вечеромъ я былъ на квартирѣ у П. В., пилъ чай. Онъ показалъ мнѣ столярный инструментъ и токарный станокъ и рассказалъ мнѣ, что онъ работаетъ

столярную работу. Правда, до моей встрѣчи съ П. В., я имѣлъ хорошее мнѣніе о немъ. Я думалъ, что онъ во время своей долготѣйшей ссылки выработалъ себѣ хорошія качества и будетъ служить примѣромъ для духоборовъ, находящихся подъ его вліяніемъ. Но при разговорѣ съ нимъ, я увидѣлъ въ немъ самаго обыкновеннаго и самаго гордаго человѣка. Весь его разговоръ состоялъ изъ словъ „я“, „я думаю“, „я соображаю“, „я совѣтую“, „я дѣлаю“, „я приказываю“, „я понимаю“ и такъ далѣе. На всѣ страданія, которыя претерпѣли духоборы, П. В. смотрѣлъ равнодушно. Когда я ему рассказалъ все, что пережили духоборы за это время, то его это нисколько не тронуло. Онъ только сказалъ: „Я ужъ знаю это. Что же, надо терпѣть“, и опять началъ продолжать свой разговоръ. Потомъ я ему рассказалъ, какія вредныя послѣдствія получились отъ воспрещенія духоборамъ вступать въ бракъ; тогда П. В. задумался и потомъ сказалъ мнѣ: „Если тебѣ удастся проѣхать на Кавказъ къ духоборамъ, то передай имъ мое слово, что теперь можно вступать въ бракъ“. П. В. былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ всѣхъ ссыльныхъ, пригласить желающихъ женъ въ Сибирь къ мужьямъ. Онъ рассказалъ мнѣ, что онъ ужъ писалъ своей женѣ, чтобы она пріѣхала къ нему въ Обдорскъ, но правительство почему то не дало ей паспорта. „А потомъ“, онъ говоритъ, „скоро кончается срокъ моей ссылки, тогда я заѣду, возьму свою жену и поѣду въ Канаду къ духоборцамъ и тамъ буду вести самый простой образъ жизни: буду имѣть скромный домикъ, и пару рабочихъ лошадей, и одну корову и буду работать, какъ всѣ братья. Трудолюбіе и простота будутъ служить полезнымъ примѣромъ для духоборцевъ“. И потомъ П. В. рассказалъ мнѣ тотъ порядокъ, который онъ хочетъ возстановить въ жизни духоборовъ въ Канадѣ. Онъ говорилъ: „Я хочу, чтобы духоборцы жили общиной, но только община должна быть основана на свободныхъ началахъ. Каждая пара—мужъ и жена—должны имѣть свой домикъ и пару рабочихъ лошадей и одну корову. Это хозяйство должно находиться въ ихъ распоряженіи, а приплодъ скота и лошадей должны находиться въ общемъ табунѣ и считаться общимъ, а полевые работы должны производиться сообща, а смолоченный хлѣбъ должно раздѣлять на ѣдока, и сѣно дѣлить на лошадей, а

кормъ для общаго скота должно готовить обществомъ, и всѣ доходы, которые будутъ получаться отъ общаго скота и отъ оставшагося отъ раздѣла хлѣба и сѣна, должны находиться въ общей кассѣ. Села должны состоять не болѣе 50 домовъ. На улицахъ должно разсаживать деревья и селамъ должны давать христіанскія названія". И потомъ сказалъ мнѣ: „Вотъ всѣ эти мои слова передай духоборцамъ, пусть они такъ устроятся". Однажды я вышелъ на берегъ и увидѣлъ П. В. на берегу, стоящаго съ книжкой въ рукахъ, и тутъ же на берегу одинъ старичекъ продаетъ рыбу. Я подошелъ къ старику и спросилъ его, откуда онъ житель. — „Здѣшній, изъ села Обдорскаго", отвѣтилъ старикъ. Тогда я спросилъ: „Что это у васъ за человѣкъ", указывая на П. В. А старикъ говоритъ: „Это Петръ Васильевичъ Веригинъ". — „Кто онъ такой и откуда житель?" говорю я. — „А кто его знаетъ. Его откуда-то издалека правительство прислало сюда для наказанія. Его называютъ духоборомъ, а кто — политическимъ. Я настоящаго не знаю его чина, кто говоритъ, что онъ изъ князей и будто у него есть много людей", говоритъ старикъ. — „А какъ онъ живетъ, навѣрно, пьянствуетъ?" говорю я. — „Нѣтъ, я никогда не видѣлъ его пьянымъ. Онъ держитъ себя прилично", говоритъ старикъ. — „А что значитъ по твоему прилично" говорю я. — „Да что всегда чисто вымывается, хорошо одѣвается и аккуратно волосы причесываетъ и т. д." говоритъ старикъ. — „А чѣмъ онъ болѣе занимается" говорю я. — „Да ходитъ гулять съ книжкой въ рукахъ; то на горку выйдетъ, на берегъ сойдетъ, сядетъ на лодку, покатается по рѣкѣ, то разговариваетъ съ кѣмъ либо, то съ миссіонерами спорить. Вотъ его занятіе!" говоритъ старикъ. — „А что онъ работаетъ что нибудь?" говорю я. — „Какая нужда Петру Васильевичу работать. Что, у него денегъ не хватитъ, что-ли". — „Какъ не работаетъ? Я самъ видѣлъ въ его столярной инструментъ, и онъ говоритъ, что онъ работаетъ столярную работу", говорю я. — „А что вы думаете, что Петръ Васильевичъ работаетъ для заработка." — „А для чего же?" — „Да для аппетита поработаетъ часъ или два, чтобы больше поѣсть, вотъ и вся работа П. В." говоритъ старикъ. — „Но все таки ему плохо жить здѣсь" говорю я. Старикъ засмѣялся и говоритъ: „Дай Богъ, чтобы мнѣ и моимъ дѣтямъ такъ

плохо было жить, какъ живетъ П. В. Намъ и на Пасху не приходится пожить такъ, какъ П. В. живетъ всегда. Его жизнь лучше царской. Вотъ у насъ есть купцы Карповы. Они очень богаты: пароходы свои имѣютъ. А и то они всегда заняты дѣлами и заботами, или хотъ сказать и священникъ: онъ тоже постоянно занятъ разными дѣлами—то похороны, то свадьба, то въ семействѣ какіе недостатки. А П. В. отъ всего свободенъ. Поѣлъ, да и на прогулку".—„А что, онъ ведетъ знакомство съ деревенскими женщинами" говорю я.—„Развѣ П. В. станетъ знакомиться съ бѣдными женщинами" говоритъ старикъ.—„А съ кѣмъ же?" говорю я.—„Да съ дочерью нашего священника и другими богатыми барышнями, купчихами" говоритъ старикъ.—„А откуда же онъ деньги беретъ?" говорю я.—„Этого я не знаю откуда, а только знаю, что почти каждую почту онъ получаетъ деньги".—„Но все таки ему здѣсь скучно жить" говорю я.—„Да развѣ здѣсь скучно? Село Обдорскъ настоящій городъ: около 10 лавокъ, 2 церкви; всегда тутъ много разнаго народа и зимой здѣсь бываетъ ярмарка—за 1000 верстъ съѣзжаются. Изъ Москвы купцы пріѣзжаютъ покупать пушину. Да вы взгляните на него, какой онъ жирный. Небось, если бы плохо или скучно ему было, то шея не перевисла бы черезъ воротникъ" говоритъ старикъ почти раздраженнымъ голосомъ. Очевидно, я надоѣлъ ему съ вопросами. Я пошелъ отъ старика съ мыслью, что П. В. работаетъ для аппетита, и представилась предо мной картина нашихъ братьевъ, голодающихъ въ Якутской юртѣ. Они бы рады поработать, чтобы аппетиту не было, и думаю, почему бы П. В. не послать лишніа деньги тѣмъ, у кого аппетитъ слишкомъ большой, а хлѣба нѣтъ.

Пароходъ приготовился къ отъѣзду. Тогда я пошелъ и попрощался съ П. В. и тронулся въ путь. Пріѣхалъ въ Ясную Поляну. Побылъ 4 сутокъ у Л. Н. Толстого, отдохнулъ отъ долгой поѣздки и потомъ на поѣздѣ доѣхалъ до Владикавказа, а далѣе на лошадахъ по Военно-Грузинской дорогѣ черезъ Казбекскій хребетъ и спустился къ городу Тифлису, гдѣ наши братья духоворы жили въ разселеніи по грузинскимъ ауламъ. Первая партія духоворовъ ужъ уѣхала на островъ Кипръ, а остальные собирались къ отъѣзду въ Ка-

наду. Ужъ брали заграничные паспорта. Я сначала поѣхалъ въ Карскую область и, по просьбѣ П. В., я заѣхалъ къ его родителямъ, передалъ привѣтъ имъ отъ всѣхъ ихъ сыновей. Ночью тайкомъ собралась сходка духоборовъ изъ^{каждаго} сѣла по одному человѣку. Я передалъ всѣмъ отъ всѣхъ ссыльныхъ привѣтъ и ихъ желаніе пригласить желающихъ женъ въ Сибирь къ мужьямъ, а потомъ передалъ отъ П. В. разрѣшеніе вступать въ бракъ и разсказалъ весь порядокъ, который П. В. хочетъ установить въ жизни духоборовъ въ Канадѣ. Потомъ я поѣхалъ къ разселеннымъ по Горійскому уѣзду, гдѣ были и мои родные. Тамъ я передалъ все то же, что и въ Карской области. На другой день я услышалъ, что уже совершилось нѣсколько браковъ. Я находился среди духоборовъ самымъ скрытнымъ образомъ. Только ночью я видался съ людьми, а днемъ я сидѣлъ подъ крышей дома, гдѣ жили мои родные. Отецъ и мать мои были очень стары. Пріѣздъ мой принесъ имъ болѣе печали, чѣмъ радости, потому что только пріѣхалъ и опять собирался уѣзжать. Мать моя была больная и какъ разъ въ то время заболѣла сильнѣе и померла. Я попрощался уже съ мертвой матерью и со всѣми родными и поѣхалъ обратно въ Сибирь, въ Якутскую область, на Нотору, гдѣ жили наши ссыльные братья. Ъхалъ я 18 дней. Когда я пріѣхалъ на Нотору, то я нашелъ своихъ братьевъ духоборовъ ужъ не въ Якутской юртѣ съ ледяными окнами. Они теперь зимовали въ большомъ деревянномъ тепломъ домѣ, съ кухней и русскими печами и другими удобствами. Это все они построили за прошлое лѣто. У нихъ было запасено необходимыхъ продуктовъ на всю зиму. За это время они приобрѣли себѣ пять паръ рабочихъ лошадей и болѣе десяти коровъ; построили русскую баню и жили, хотя не въ полномъ довольствѣ, но много лучше прошлогодней зимы. Одна половина людей изъ нихъ была на заработкахъ. Я передалъ имъ привѣтъ отъ всѣхъ закавказскихъ духоборовъ и сообщилъ имъ, что жены ихнія общались будущей весной пріѣхать къ нимъ на Нотору, а также передалъ привѣтъ отъ Петра Васильевича и сообщилъ, что онъ разрѣшилъ всѣмъ духоборамъ ѣсть рыбу и вступать въ бракъ и все, что П. В. передалъ кавказскимъ духоборамъ.

Духоборы жили на Ноторѣ. Съ помощью заработковъ они нѣсколько улучшили свое положеніе. Они стали хоть понемногу намолачивать своего хлѣба, развели больше коровъ, съ которыхъ пользовались молокомъ, сажали картофель, завели болѣе 20 лошадей, а потомъ построили кузницу и конную мельницу, такъ что жить было можно. Но положеніе ихней жизни измѣнилось тѣмъ, что братья Веригины послали прошеніе губернатору, прося позволить имъ переѣхать къ своимъ братьямъ на Ноторѣ. Просьба ихъ была уважена. Они, какъ только пріѣхали на Ноторѣ, сразу стали оказывать свою власть; распоряжались каждый по своему и разстроили всѣхъ ноторскихъ духоборовъ и разсорились сами между собою. Василій съ Иваномъ завели между собою такую злобу, что не могли смотрѣть другъ на друга. Но Василій одержалъ побѣду надъ Иваномъ, уступилъ и самъ уѣхалъ въ скопческое село. Всѣ ноторскіе духоборы до крайности опечалились поведеніемъ братьевъ Веригиныхъ. Они радовались сначала, когда ожидали ихъ. Они думали, что братья Веригины ободряютъ ихъ своимъ присутствіемъ, но вышло какъ разъ наоборотъ. Братья Веригины не хотѣли работать такъ, какъ работаютъ всѣ, да и не хотѣли пить кирпичный чай безъ сахара и ѣсть ту скудную пищу, какую ѣдятъ всѣ ноторскіе духоборы. Они хотѣли пользоваться отдѣльно, несмотря на то, что старики и малыя дѣти пользовались наравнѣ со взрослыми. Ноторскимъ духоборамъ такія требованія братьевъ Веригиныхъ настолько были противны, что они не могли терпѣть. Они заявили братьямъ Веригинымъ, что они совсѣмъ не признаютъ ихъ за управителей, а только за равныхъ себѣ братьевъ, а потому должны работать всѣ одинаково и пользоваться всѣ одной пищей и всѣмъ, что они имѣли. Но Василій Веригинъ, несмотря на такое заявленіе, требовалъ отъ духоборовъ подчиненія, а въ противномъ случаѣ грозилъ кулакомъ.

Мы ужъ раньше сказали, что всѣ братья Веригины очень сильны физически и способны драться такъ, что двое или трое они могутъ переколотить десятки людей, да и духоборы не того настроенія, чтобы драться—они скорѣе бросятъ свое нажитое и уйдутъ. Такой ужъ былъ случай. Васи-

силій Веригинъ такъ исколотилъ Петра Свѣтлицева за противорѣчіе, что тотъ былъ нѣсколько времени боленъ. Тогда всѣ ноторскіе духоборы, видя такое самоуправство, начали одинъ за другимъ удаляться изъ Ноторы. Одна партія, семь человѣкъ, взяли часть скота и лошадей и начали устраиваться жить отдѣльно, отойдя съ версту въ сторону, а другіе совсѣмъ бросили все, что приобрѣли, и уходили кто куда попало, зарабатывая себѣ пропитаніе.

Такъ и разбѣжались почти всѣ ноторскіе духоборы. Остались только старики да нѣсколько человѣкъ молодыхъ, которые видѣли себя неспособными прокормиться съ семействомъ постороннимъ заработкомъ. Да благо то, что на Ноторѣ общими силами было приобрѣтено всего столько, что оставшимся тамъ духоборамъ вполне можно было прожить безъ недостатку. Они сѣяли для себя достаточно хлѣба; скота у нихъ расплодилось столько, что они часть продавали, за что покупали себѣ одежду и другія вещи, а братья Веригины сдѣлались тамъ полными хозяевами и повелителями. А тѣ духоборы, которые разбѣжались съ Ноторы, стали просить правительство, чтобы имъ дали землю вблизи города. Но въ этомъ имъ отказали, а отвели имъ землю 200 верстъ отъ города, на рѣкѣ Амга, гдѣ они основали себѣ село Отрадное и тамъ, съ горемъ пополамъ, строили себѣ дома, и сѣяли хлѣбъ, и косили сѣно и жили такъ же, какъ и Прохладинскіе—то дома, а то на заработкахъ. Никто изъ духоборовъ не думалъ навсегда устраиваться жить въ Якутскѣ, а всѣ питали надежду на то, что скоро ихъ освободятъ, и они поѣдутъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ въ Канаду. Радостная встрѣча съ родными у всѣхъ стояла передъ глазами; они только и думали объ этомъ, а потому и жили такъ, какъ кому придется. Нѣкоторые писали своимъ роднымъ въ Канаду, описывая свое тяжелое положеніе, а родные извѣщали объ этомъ всѣхъ канадскихъ духоборовъ, которые считали своимъ долгомъ пособить нуждающимся деньгами, хотя они сами жили очень бѣдно, но все-таки изъ послѣднихъ денегъ собирали со всего общества нѣсколько разъ по нѣсколько сотъ, а иногда и по тысячѣ руб. денегъ для поддержки якутскихъ бѣдныхъ духоборовъ. Они не хотѣли посылать собранныя деньги каждому отдѣльно, а сочли за

лучшее посылать всѣмъ вмѣстѣ, чтобы тамъ общество распредѣлило тѣмъ, кто болѣе нуждается, и всѣ эти деньги посылались на имя братьевъ Веригиныхъ или же на имя Григорія Зиборова, съ передачей Василию Веригину. Такъ всѣ деньги, присланныя въ разное время, попадали въ руки братьевъ Веригиныхъ, которые получали ихъ и пользовались ими сами, не давая никому, даже и больнымъ старикамъ. Григорій Веригинъ, получивъ нѣсколько сотъ съ этихъ денегъ, секретнымъ образомъ убѣжалъ изъ Якутска въ Канаду. А Василий Веригинъ, получая эти деньги, открылъ торговлю на Ноторѣ. Онъ пріѣзжалъ въ городъ Якутскъ и накупалъ сахару, чаю, табаку, нитокъ, иглокъ и всякаго мелкаго товару и всякой матеріи, и продавалъ тамъ якутамъ и своимъ братьямъ. Да торговля его не вышла, онъ роздалъ весь товаръ якутамъ въ долгъ. Но якуты бѣдны, денегъ нѣту. Онъ собиралъ съ нихъ то масломъ, то рыбою. Половину собралъ, другая половина такъ и осталась на якутахъ.

Зять Веригина, Иванъ Конкинъ, тоже просилъ губернатора, чтобы позволилъ ему пріѣхать на Ноторъ къ своимъ братьямъ. Ему тоже уважили. Вскорѣ Конкинъ со своимъ семействомъ пріѣхалъ на Ноторъ. Онъ тоже сразу сталъ доказывать свое знаніе. Онъ началъ поучать духоборовъ правильной христіанской жизни, уча быть покорными, терпѣливыми и послушными. Только говорилъ, а работать ничего не хотѣлъ и приказывалъ своей женѣ, чтобы она ему приготавливала пищу отдѣльно и получше. Но два распорядителя не ужилося долго. Скоро между Конкинымъ и В. Веригинымъ завязалась борьба и непрерывное ругательство. Каждый изъ нихъ доказывалъ свое высокое званіе и достоинство. Оба они гордились, что они высокой природы, до того, что стали другъ другу грозить кулаками, и дѣло доходило почти до ножей. Тогда еще нѣсколько стариковъ ушли съ Нотора. Осталось только два старика—Михаилъ Поповъ и Николай Маловъ. В. Веригинъ—побѣдилъ и Конкина, такъ что Конкинъ сталъ просить губернатора, чтобы позволилъ ему обратно уѣхать въ Олекму. Вернувшись въ Олекму, онъ подалъ прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ просилъ уволить его изъ ссылки въ Канаду. Просьба его была уважена, онъ скоро уѣхалъ въ Канаду.

А Василій Веригинъ продолжалъ полновластно управлять Ноторскимъ поселкомъ не только словами, но и руками. Онъ не щадилъ ни молодыхъ ни стариковъ. Однажды онъ переколотилъ двухъ стариковъ только за то, что они осмѣлились попросить его, чтобы онъ не сманивалъ жену отъ молодого духобора Петра Попова, у котораго было двое дѣтей. Онъ осердился и, схвативъ попавшіяся ему подъ руки вилы, началъ бить стариковъ по чему попало. Одному изъ нихъ, Михаилу Попову, перебилъ руку, а за Петромъ Поповымъ гнался цѣлую версту, но не могъ догнать. Такіе примѣры Василія Веригина и Ивана Конкина очень вредно отозвались на многихъ молодыхъ духоборахъ, въ особенности на тѣхъ, которые, по ихъ наученію, отказывались отъ службы, за что и попали въ Якутскую область. Они, надѣясь на своихъ учителей, всегда ожидали отъ нихъ поддержки, и вдругъ, увидавъ такія злодѣянія, они сразу приходятъ въ отчаяніе. Увидавъ себя разъ обманутыми, послѣ не хотятъ вѣрить, хотя бы кто говорилъ и правду, и такимъ образомъ нѣкоторые низко пали, подвергаясь нѣкоторымъ порокамъ.

Въ послѣдній разъ было прислано изъ Канады 1000 рублей денегъ на имя Григорія Зиборова. Тогда все общество сибирскихъ духоборовъ предупредило Зиборова, чтобы онъ не отдавалъ присланныхъ изъ Канады денегъ В. Веригину, потому что рѣшили сами распредѣлить, дать тому, кто болѣе нуждается. Дали всѣмъ дряхлымъ старикамъ по 50 рублей, а тѣмъ старикамъ, которые немного помоложе, — по 25 рублей, и тѣмъ молодымъ, которые были больные, дали смотря сколько кому надо, и небольшую часть, оставшуюся отъ этихъ денегъ, рассчитали всѣмъ поровну. Всѣхъ братьевъ Веригиныхъ надѣлили наравнѣ съ другими. В. Веригинъ за это очень осердился и ругалъ всѣхъ безъ разбора и угрожалъ тѣмъ, что онъ напишетъ объ этомъ Петру Васильевичу. „Тогда васъ не примутъ въ общество духоборцевъ“, такъ говорилъ В. В. Такъ и вышло, что В. В. писалъ жалобу П. В. на всѣхъ сибирскихъ духоборовъ, говоря, что всѣ сибирскіе духоборы мерзавцы, самовольники, не признаютъ никого старше себя и даже самого П. В. признаютъ за обыкновеннаго человѣка, за равнаго себѣ брата: ихъ не слѣдуетъ допускать въ канадскую общину. Они будутъ смущать и канадскихъ духоборовъ.

Въ послѣднее время, когда были безпорядки по всей Россіи, братья Веригины распродали имѣвшееся у нихъ на Ноторѣ имущество и переѣхали въ городъ, ожидая свободы.

III.

Съ наступленіемъ весны пріѣхали въ Канаду духоборы. Они стали разсматривать тѣ мѣста, которыя правительство опредѣлило имъ подѣ поселеніе. Каждое село выбрало себѣ мѣсто. По совѣту П. В. они строили села не свыше 50 домовъ въ каждомъ и давали имъ христіанскія названія. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ селились духоборы, есть много рѣкъ съ рыбой. Духоборы строили села вблизи рѣкъ и всѣ недостатки въ пищѣ они пополняли рыбой. Тѣ люди, которые устраивали духоборовъ, заявили имъ, что всѣ тѣ деньги, которыя жертвовали имъ добрые люди, а также и тѣ деньги, которыя канадское правительство давало имъ въ видѣ бонуса *), скоро кончатся, а потому совѣтовали духоборамъ зарабатывать самимъ себѣ пропитаніе. Нѣкоторымъ духоборамъ такое заявленіе показалось страннымъ, потому что они думали, что эти люди по волѣ П. В. всегда будутъ служить имъ, но видя, что это не выходитъ, они поневолѣ принялись за работу. Но эти люди все-таки пособляли имъ: находили для нихъ работу и служили имъ переводчиками и дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло. Первые годы жизнь въ Канадѣ духоборамъ показалась очень трудной. Не зная тамошнихъ порядковъ и нарѣчій, имъ пришлось исполнять самую тяжелую работу и получать дешевую цѣну. И въ домашности они терпѣли недостатки. Имъ приходилось на себѣ возить лѣсъ на постройку домовъ и даже приходилось на себѣ пахать, а такъ какъ почти всѣ мужчины уходили на заработки, то всѣ эти работы приходилось дѣлать женщинамъ. Такія трудности имъ пришлось переживать около трехъ лѣтъ. За это время они нѣсколько разъ начинали жить сообща,

*) Bonus—премія агентамъ, доставляющимъ переселенцевъ въ Канаду. Въ данномъ случаѣ русскіе друзья и квакеры, способствовавшіе переселенію, просили, чтобы эта премія была перенесена на всѣхъ духоборовъ, которые какъ бы являлись самостоятельными переселенцами.

(А. Ч.).

по слову П. В., но у нихъ не выходило, и они начинали жить каждый по себѣ. Такъ и жили одни села сообща, а другія всякъ себѣ, и работали всѣ изо всѣхъ силъ, оставляя дома только стариковъ, женщинъ и подростковъ, которые управляли домашними работами, а всѣ настоящіе работники на все лѣто уходили на заработки. Познакомившись съ канадскимъ нарѣчіемъ*) и порядками, они стали работать легче и плату получать больше, а потому всѣ духоборы за это время много улучшили свое положеніе. Они построили каждый себѣ домъ и купили себѣ рабочихъ лошадей и быковъ, завели коровъ, завели необходимыя земледѣльческія орудія и начали сѣять хлѣбъ и косить сѣно, такъ что жить имъ стало возможно. Въ такомъ направленіи они бы скоро пережили всякую нужду. Да помѣшало имъ то, что П. В., находясь въ Обдорскѣ, присылалъ имъ письма, въ которыхъ извѣщалъ ихъ, что скоро кончается срокъ его ссылки, и тогда онъ пріѣдетъ въ Канаду и будетъ жить съ ними. Пріѣздъ П. В. духоборамъ казался самымъ большимъ дѣломъ, которое закрывало все остальное. Они боялись его пріѣзда, потому что не исполняли въ точности его заповѣди. Они говорили другъ другу: „какъ мы встрѣтимъ своего господина, когда не исполнили, что онъ приказалъ намъ. Вѣдь, онъ говорилъ намъ, что истинные христіане не должны работать, они только должны проповѣдывать евангеліе, а мы вотъ теперь душимся надъ работой. Онъ также говорилъ намъ, что христіанинъ не долженъ имѣть у себя денегъ, кесарева изображенія, потому что деньги есть зло, а мы вотъ теперь за деньгами гоняемся. Онъ приказалъ намъ дать свободу всему существующему, а мы мучимъ скотъ, работаемъ на немъ и рвемъ ему рты удилами и выдаиваемъ молоко изъ коровъ, отнимаемъ пищу отъ телятъ. Мы этого не должны дѣлать. Мы должны питаться фруктами и овощами. Мы должны жить, какъ жили первые люди, Адамъ и Ева. Они вѣдь не имѣли себѣ одежды, и Богъ согрѣвалъ ихъ, а мы сдираемъ съ животныхъ кожу и одѣваемся сами ею. Вы помните, братцы, какъ намъ было сказано о десяти дѣвахъ. У пяти дѣвъ свѣтильники горѣли. Они вышли навстрѣчу Христу, а у дру-

*) Т. е. съ англійскимъ языкомъ.

(А. Ч.).

гихъ пяти не горѣли свѣтильники. Это мы сами. У насъ не горятъ свѣтильники. Какъ же мы идемъ навстрѣчу Христу? Вотъ скоро Христосъ явится и застанетъ насъ спящими. Тогда мы погибемъ“.

Вожакомъ по этому дѣлу явился одинъ изъ любимцевъ П. В., Иванъ Пономаревъ. Онъ ѣздилъ когда-то къ П. В. въ Шенкурскъ и передавалъ отъ него наставленіе духовоборамъ, а потому онъ себя считалъ выше другихъ. Человѣкъ онъ совсѣмъ безграмотный и умственно неразвитой. Научился только повторять слова П. В. Въ помощь ему явился другой, Николай Зиборовъ (тоже неграмотный). Вотъ они и начали внушать всѣмъ духовоборамъ, что пришло то время, котораго мы давно ожидали. „Это-то и есть раздѣленіе и перечищеніе, о которомъ говорилъ намъ нашъ повелитель. Кто теперь броситъ все свое тлѣнное нажитіе и пойдетъ навстрѣчу Христу, тотъ освободится навѣчно отъ работы и будетъ жить со Христомъ въ вѣчной радости; а кто останется на мѣстѣ, тотъ вѣчно будетъ душиться надъ работой, такъ и погибнетъ въ непослушаніи“. Такъ говорилъ Пономаревъ: „я самъ слышалъ отъ нашего повелителя, когда я былъ въ Шенкурскѣ, что придетъ время, пройдетъ большая рѣка, и вы бросайтесь въ ту рѣку. Я ловецъ добрый, спасу васъ. Вотъ, братцы, я бросаюсь въ рѣку первый, и вы за мною. Это и есть та самая рѣка. Очистите себя отъ всякой скверны и пойдемъ и встрѣтимъ Христа“.

Почти четвертая часть духовоборовъ повѣрила этому и начала готовиться ко встрѣчѣ Христа. Не стали стричь волосы и брить бороды, перестали ѣсть рыбу, яйца, масло, молоко, медъ и даже чай. Кромѣ хлѣба и сырого картофеля, ничего не ѣли. Они собрали всѣ имѣющіяся у нихъ деньги и сдали ихъ канадскому правительству; а весь скотъ, который у нихъ былъ, согнали въ одно мѣсто и пустили его на свободу; сбросили съ себя одежду, которую они считали грѣшной: во-первыхъ, кожаную обувь и овчинныя шубы, потому что нельзя сдирать кожи съ животныхъ; высыпали перья изъ подушекъ, потому что нельзя выдергивать перья съ птицъ; поотрывали съ одежды пуговицы и желѣзные крючки, потому что нельзя людямъ работать на заводахъ и фабрикахъ; бросили всякую работу. Собравшись всѣ вмѣстѣ, пѣли,

читали и другимъ проповѣдывали евангеліе и собирались въ походъ. Раньше чѣмъ идти въ походъ, они сочли за нужное обойти всѣ села и попросить всѣхъ оставшихся духовоборовъ, чтобы и они пошли съ ними. Обойдя всѣ села, пошли потомъ по направленію къ югу. Малыхъ дѣтей и больныхъ и дряхлыхъ стариковъ они несли на себѣ или везли на телѣжкахъ.

Все это происходило осенью, когда морозъ прихватывалъ по утрамъ. Они ночевали въ полѣ въ соломѣ или гдѣ попало подъ открытымъ небомъ. По ихнему расчету, П. В. долженъ скоро встрѣтиться съ ними, идущій босыми ногами, въ одеждѣ безъ пуговицъ и безъ крючковъ, съ длинной бородой и волосами. И дѣйствительно, П. В. долженъ бы встрѣтиться съ ними, но только онъ на пути заѣхалъ въ Англію и прогостилъ двѣ недѣли у Чертковыхъ. Напрасно Пономаревъ и Зиборовъ увѣряли всѣхъ идущихъ духовоборовъ, что не нонче, такъ завтра они встрѣтятъ Христа. Но Христа все не было. Пономаревъ и Зиборовъ объясняли, что потому Христосъ не является, что не во всѣхъ людяхъ есть вѣра и что люди взяли съ собою вещи, которыя не должно брать, и начали пересматривать другъ друга и нашли, что у многихъ были ножи, и часы, и иголки и другія металлическія вещи. Все это отобрали и бросили на дорогу и опять пошли дальше. Кормились они тѣмъ, что собирали по полямъ колосья хлѣба и срывали засохшія ягоды съ шиповника, а нѣкоторые ходили по англійскимъ фермамъ, просили хлѣба и картофеля. Холодъ съ каждымъ днемъ увеличивался. Канадское правительство, получивъ принесенныя духовоборами деньги, послало людей собрать весь скотъ, пущенный духовоборами на свободу, и продало его, а деньги держало у себя. Потомъ правительство, видя, что духовоборы не останавливаются, идутъ въ зиму, сами не зная куда, стало останавливать ихъ. Но духовоборы никакъ не соглашались воротиться назадъ. Потомъ правительство силой отдѣлило отъ нихъ женщинъ, дѣтей и больныхъ и немощныхъ стариковъ и помѣстило ихъ въ казенномъ домѣ въ городѣ Іорктонъ. Мужчины все продолжали итти. Потомъ и мужчинъ силою посадили на поѣздъ и привезли въ Іорктонъ, а оттуда препроводили каждого въ свое село. Туда-же доставили женщинъ

и дѣтей, водворивъ ихъ въ свои дома. Но они все-таки не хотѣли ничего работать, собирались по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и сидѣли, пѣли, все ожидали Христа. Тутъ наступила холодная зима. Правительство за тѣ деньги, которыя получило за проданный скотъ, покупало имъ продукты и нанимало людей, которые доставляли имъ все, возили дрова и топили печи. А другая, большая половина духоборовъ жила по прежнему: работали, ѣли и кормили скотъ и имѣли деньги. Но всѣ они со страхомъ ожидали пріѣзда П. В., потому что они не знали, къ кому онъ придетъ: къ нимъ или къ свободникамъ. Они думали, можетъ и на самомъ дѣлѣ П. В. придетъ разувшись, съ длинными волосами, какъ ходятъ свободники.

Въ то время родные П. В. получили телеграмму, что П. В. надняхъ пріѣдетъ. Тогда несвободники послали людей ему навстрѣчу и черезъ нѣсколько дней П. В. пріѣхалъ въ село Отрадное, гдѣ жили его родные. Объ этомъ узнали всѣ духоборы. Несмотря на то, что П. В. предупредилъ всѣхъ духоборовъ не пріѣзжать для встрѣчи его, потому что онъ самъ скоро поѣдетъ по всѣмъ селамъ и повидитъ всѣхъ, все-таки люди двинулись со всѣхъ сторонъ, свободники и несвободники. П. В., еще будучи у Чертковыхъ, изъ газетъ узналъ, что духоборы свободники идутъ ему навстрѣчу, а потому, когда онъ глянулъ по народу и увидѣлъ свободниковъ съ отпущенными волосами и бородами, одѣтыхъ въ простую ветхую одежду и обутыхъ въ лапти, сплетенныхъ изъ снурковъ или совсѣмъ босыми, исхудавшихъ отъ слабой пищи и измученныхъ долгихъ походомъ, который они совершили ради него, то онъ ясно созналъ, что это выросли плоды постыжнаго имъ, но вкушать плодовъ своей науки онъ не захотѣлъ; они ему показались невкусными. Онъ гораздо охотнѣе и веселѣе смотрѣлъ на стоящихъ съ другой стороны несвободниковъ, гдѣ стоялъ хоръ пѣвчихъ, состоящій изъ молодыхъ мужиковъ, и женщинъ и дѣвушекъ. Они были прилично одѣты и устремили на него свои веселые взгляды. Туда голова его невольно поворачивалась. Самъ же П. В. былъ одѣтъ, какъ россійскій богатый купецъ, во все новое и дорогое. На ногахъ у него были кожаные русскіе сапоги, а на головѣ бобровая шапка съ верхушкой изъ лисьихъ

лапокъ. Кромѣ того, у него былъ дорогой кожаный тулупъ. Онъ былъ чисто вымытъ и причесанъ, нисколько не похожъ на свободниковъ. Несвободники были рады, что П. В. носить кожаную одежду, которую и они носятъ. Но свободники, увидавъ такъ одѣтаго П. В., очень сильно опечалились, а нѣкоторые изъ нихъ стали терять вѣру въ него.

П. В. не нравилось то, что духоборы раздѣлились на двѣ партіи. Онъ боялся, какъ бы какая партія не вышла изъ его подчиненія. Онъ придумывалъ, какъ бы соединить ихъ. Онъ счелъ за лучшее потѣшить словомъ обѣ партіи и заставить жить всѣхъ вмѣстѣ. Онъ поблагодарилъ свободниковъ за то, что они такъ горячо вѣруютъ ему, и что они бросили все и пошли встрѣчать его. Потомъ онъ сказалъ имъ: „вы шли встрѣчать Христа. Вотъ Христосъ вамъ явился и миръ воротился теперь. Идите въ свои дома и живите, работайте и добывайте себѣ пропитаніе“. А несвободниковъ онъ поблагодарилъ за то, что они съ радостью встрѣтили его, и за то, что они работали и не ходили ему навстрѣчу со свободниками. Оба вожака свободниковъ, Пономаревъ и Зиборовъ, и большая часть свободниковъ послушали П. В., постриглись, побрились и начали работать и ѣсть, какъ сказалъ имъ П. В. Но изъ числа свободниковъ небольшая часть нашлась самостоятельныхъ людей, которые не хотѣли такъ дешево бросить всѣ свои труды и самопожертвованіе, которое они проявили ради П. В. Имъ показалось очень обидно то, что въ П. В. вышла измѣна, а потому они заявили П. В. такъ: „мы принимали всѣ твои поученія, какъ заповѣди отъ Бога и старались ихъ исполнить, не щадили своей жизни. Мы знаемъ, что заповѣди Божьи неизмѣнны во вѣкъ, а почему же ты измѣняешь свои слова? Или ты только шутилъ надъ нами? Развѣ наша жизнь дана тебѣ для потѣхи? Нѣтъ, мы не хотимъ быть измѣнниками. Мы будемъ продолжать свое дѣло, только ужъ не по твоему приказанію, а согласно требованію нашей совѣсти“.

П. В., видя, что такихъ людей мало—не обращалъ на нихъ вниманія. Онъ думалъ, что они скоро покорятся ему, хотя поневолѣ. П. В. увидѣлъ себя отовсюду окруженнымъ преданными ему духоборами, въ которыхъ онъ нашелъ своихъ неизмѣнныхъ слугъ, а потому онъ безъ всякой

опасности на это время забылъ всѣ свои теоріи и духовное самосовершенствованіе, которыя онъ придумывалъ, когда былъ въ ссылкѣ. Онъ вдругъ очутился въ положеніи тѣхъ татарскихъ князей, которымъ онъ съ малолѣтства подражалъ... Онъ могъ быть увѣренъ, что всѣ эти люди—мужчины, женщины и дѣвушки—находятся въ полномъ его распоряженіи. Прежде всего онъ приблизилъ къ себѣ свою родственницу, родную внучку его старшаго брата Ивана—Настасью Голубеву, которую постоянно держалъ при себѣ. А потомъ ему встрѣтились еще красивыя дѣвушки. А потомъ, въ сопровожденіи пѣзчаго хора и всѣхъ этихъ дѣвушекъ на трехъ большихъ саняхъ, онъ началъ разъѣзжать по всѣмъ духоборскимъ селамъ, извѣстивъ каждое село, въ который день ожидать ихъ. Въ томъ селѣ собирались всѣ люди и выходили за село съ пѣніемъ и встрѣчали дорогихъ гостей. И всѣ эти люди окружали съ пѣніемъ тотъ домъ, гдѣ находился П. В. со своей свитой. П. В. былъ очень веселъ и много говорилъ о томъ, какъ онъ хочетъ устроить новую жизнь. Онъ осматривалъ все, что имѣли духоборы. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ духоборы жили сообща, онъ видѣлъ общія большія конюшни и сказалъ: „мнѣ уже надоѣла эта казенщина. Мы такъ не будемъ жить, а мы будемъ имѣть каждый себѣ пару рабочихъ лошадей и одну корову, а только работать будемъ сообща“. Много хорошаго П. В. обѣщалъ духоборамъ. Они были очень рады. Съ такимъ торжествомъ П. В. обѣхалъ всѣ духоборскія села. Вездѣ его встрѣчали и провожали, и всѣ со вниманіемъ слѣдили за каждымъ его словомъ и движеніемъ. А потомъ онъ возвратился въ домъ своихъ родныхъ. Домъ не большой, состоялъ изъ двухъ половинъ. Въ одной половинѣ помѣщался братъ Григорій, а другую половину занималъ П. В. Онъ выбралъ четырехъ дѣвушекъ, а остальныхъ распустилъ по домамъ, и только по временамъ онъ собирались къ нему*)“...

Когда оставшіеся свободники увидѣли, какъ живетъ П. В., то говорили другъ другу: „Вотъ, братцы, ради кого

*) Не считая себя вправѣ касаться нѣкоторыхъ отношеній, не могущихъ быть подтвержденными и доказанными, мы опускаемъ нѣкоторыя мѣста изъ записокъ автора. (А. Ч.).

мы оставляли все свое житѣе и бытѣе! Вѣдь мы его за Христа признавали, а теперь посмотрите, что онъ дѣлаетъ: окружилъ себя дѣвками—настоящій татарскій ханъ. Какъ же ему не стыдно! Вѣдь, у него есть законная жена и сынъ. Черезъ него, братцы, мы теперь скитаемся. Это онъ насъ довелъ до этого. Съѣлъ онъ нашу жизнь, не подавился!.. Нѣтъ въ немъ Божьей искры. Несчастные тѣ люди, которые вѣрують ему. А мы, братцы, будемъ стоять на своемъ словѣ до конца нашей жизни. Богъ видитъ наше желаніе. Онъ не оставитъ насъ безъ награды. А П. В. мы покажемъ, что мы люди, а не игрушки въ его рукахъ. Мы все испытываемъ на себѣ. Давайте сбросимъ съ себя одежду и пойдемъ къ П. В. въ домъ и скажемъ ему: „вотъ, ты говорилъ, что надо ходить безъ одежды, мы сбросили; теперь сбрасывай и ты и пойдемъ съ нами провѣдывать евангеліе, какъ ты говорилъ*)“.

Они такъ и сдѣлали. Разобрались нагими (т. е. раздѣлись) и пошли. Но П. В. приказалъ не пускать ихъ даже близко къ тому селу, гдѣ онъ живетъ. Потому они выбирали случай поговорить съ нимъ гдѣ-либо на дорогѣ. Однажды они увидѣли П. В., ѣхавшаго въ шарабанѣ на красивой лошади, вдвоемъ со старикомъ Махортовымъ. Тогда они пошли къ нему ближе и, еще не доходя, начали говорить: „вотъ, братъ, ты намъ говорилъ—дать свободу всему существующему, а самъ заложилъ въ ротъ лошади удила и рвешь ей губы, а потомъ сдерешь съ ней кожу и сошьешь себѣ сапоги. Это ужъ не по-христіански. Скидай-ка, братъ, съ себя одежду, и пойдемъ съ нами. Вѣдь, это твоя наука, чего же ты гнушаешься?“ П. В. ударилъ лошадь и пустилъ сколько есть силы прямо на свободниковъ. Они едва успѣли сойти съ дороги, а то бы потопталъ ихъ лошадыю. Онъ выругалъ ихъ и поѣхалъ домой. Тогда свободники собрались всѣ вмѣстѣ и рѣшили дойти до П. В. и поговорить съ нимъ, не ворочаться назадъ, хотя бы не пускали ихъ или даже били. Пошли безъ одежды. Проходили черезъ духоборскія

*) Объ этомъ самомъ и о фактахъ, рассказываемыхъ ниже, неоднократно писали намъ сами „свободники“. Въ свое время мы надѣемся опубликовать ихъ письма. (Л. Ч.).

села и всѣмъ говорили, что они исполняютъ ученіе П. В. и идутъ попросить его, чтобы и онъ пошелъ съ ними. Объ этомъ донесли П. В. Онъ приказалъ всѣмъ духовоборамъ не позволять свободникамъ заходить въ села и не допускать ихъ до села Отраднаго. Чтобы пройти въ село Отрадное, свободникамъ надо было перейти рѣку по мосту около села Надежда, гдѣ по распоряженію П. В. ужъ была поставлена стража. И всѣмъ жителямъ села Надежды и другимъ духовоборамъ было приказано не пускать свободниковъ черезъ мостъ. Но свободники, несмотря на стражу, пошли по мосту. Тогда сбѣжалось много духовоборовъ и, загородивъ дорогу, не пустили свободниковъ. Но голые свободники, распихивая людей, старались пробиться сквозь толпу, такъ что духовоборы не могли удержать ихъ, а бить голыхъ свободниковъ духовоборы не хотѣли, потому что не видѣли за ними никакой вины, а и вообще духовоборы не любятъ бить людей, а потому они послали человѣка къ П. В. заявить, что они не могутъ удержать свободниковъ. П. В. приказалъ духовоборамъ взять тонкія палки и бить свободниковъ по голому тѣлу. Всѣ духовоборы удивлялись тому, что П. В. имъ приказалъ бить людей. Имъ совѣсть не позволяла исполнить такое приказаніе. Нѣкоторые такъ и не стали бить, а другіе побоялись послушаться П. В., взяли палки и избили свободниковъ, такъ что тѣло ихъ стало въ крови. П. В. былъ въ то время въ селѣ „Надеждѣ“ и издали смотрѣлъ, какъ били свободниковъ. Свободники кричали: „что вы, братцы, дѣлаете? За что вы насъ бьете? Вѣдь и мы исполняемъ ученіе того же П. В., что и вы! Онъ съ Христа да обратился въ кровопійцу!“

Такъ и разогнали свободниковъ, не допустили до П. В.

А еще былъ такой случай. Свободники проходили духовоборскими полями и увидали стоявшую тамъ жатвенную машину, купленную по распоряженію П. В. Они остановились надъ машиной и вспомнили, что П. В. въ своихъ письмахъ отвергалъ всякую культуру, и всякое изобрѣтеніе, и деньги, и даже грамотность и объяснялъ тѣмъ, что для того, чтобы построить какую машину, сотни тысячъ людей гибнутъ въ рудникахъ, доставая желѣзо, и столько же людей теряютъ здоровье на заводахъ, дѣлая машину, а потому всѣ

эти человѣческія выдумки противны Богу. „Такъ вотъ что, братцы: давайте эту машину сожжемъ, а потомъ, если онъ насъ спроситъ, на что сожгли, мы и скажемъ: „ты же говорилъ, что машины противны Богу, потому мы и сожгли ее“. Они такъ и сдѣлали: обложили соломою машину и зажгли. Всѣ деревянныя части сгорѣли. Но П. В. не спросилъ ихъ, на что сожгли, а донесъ правительству и просилъ наказать свободниковъ. Ихъ посадили въ тюрьму. Тамъ ихъ мучили, заставляли работать, а такъ какъ они не ѣли мяса, то ихъ кормили силою: мятымъ мясомъ черезъ кишку, пропуская прямо въ желудокъ. Нѣкоторые изъ нихъ умерли, а какіе остались живыми, какъ только правительство выпустило изъ тюрьмы, то П. В. опять просилъ посадить ихъ, заявляя, что они вредны для общества. И такъ они по тюрьмамъ до сего времени *).

Такимъ образомъ, П. В. лишилъ всѣхъ духоборовъ всякой свободы, такъ что они не имѣли права располагать сами собой. Они не могли ничего дѣлать по своему усмотрѣнію. Они не могли высказать свои мысли: они превратились въ одну большую машину, которая вращается по желанію П. В.

IV.

Въ 1905 году была объявлена по всей Россіи свобода вѣры, а потому всѣхъ сосланныхъ по дѣламъ вѣры освободили. Въ томъ числѣ и мы, якутскіе духоборы, получили свободу, о чемъ немедленно извѣстили своихъ братьевъ канадскихъ духоборовъ, и съ наступленіемъ весны стали собираться въ путь. Объ этомъ узнали всѣ канадскіе духоборы и хотѣли всѣмъ обществомъ сдѣлать встрѣчу пріѣзжимъ духоборамъ, но П. В. приказалъ, чтобы никто не смѣлъ дѣ-

*) О страданіяхъ духоборовъ въ Канадѣ, о возмутительномъ обращеніи съ ними П. В. Веригина и о послѣднихъ событіяхъ въ жизни духоборческой общины см. книгу англійскаго писателя А. Мога: „A Peculiar People“. Обширный и интересный по данному вопросу матеріалъ можно найти еще въ книжкѣ извѣстнаго Ив. Наживина: „Голоса народовъ“. Вып. I, м. 1908 г. Здѣсь помѣщено нѣсколько документовъ къ исторіи духоборовъ за послѣднее время. Въ болѣе мягкомъ освѣщеніи нестроенія духоборческой общины представлены въ книгѣ Тана: „Духоборы въ Канадѣ“.

латъ никакой встрѣчи, а только въ селѣ Отрадномъ, куда пріѣдутъ его братья и племянникъ, онъ приказалъ сдѣлать общественный обѣдъ и всѣмъ обществомъ поблагодарить его братьевъ за то, что они пострадали ради всѣхъ духоборовъ. А Конкину П. В. отвѣтилъ, чтобы онъ препроводилъ каждого въ то село, гдѣ живутъ ихніе родные, а не позволять имъ партіями разъѣзжать по селамъ. Такъ и сдѣлали. Радостная встрѣча съ родными послѣ такой долгой разлуки была такъ велика, они сами не вѣрили своимъ глазамъ, что они видятъ другъ друга. Въ томъ домѣ, гдѣ были пріѣзжіе, собирались жители со всего того села и всѣ вмѣстѣ радовались. Нѣкоторые отъ радости плакали, а другіе были очень веселы и всѣ благодарили Бога, что Онъ произвелъ личное свиданіе. Канадскіе духоборы говорили якутскимъ: „ну, братцы, да и пришлось же вамъ пострадать за все наше общество. Что вы только за это время не перетерпѣли—побоевъ, тюрьмы и голоду и холоду. Мы всѣ молились Богу, чтобы Онъ послалъ вамъ терпѣніе. Но теперь пришелъ конецъ вашимъ страданіямъ. Будемъ жить всѣ вмѣстѣ при Божьей милости. А теперь вамъ, братцы и сестрицы, нужно необходимо вотъ что сдѣлать. Какъ немного отдохнете отъ долгой поѣздки, такъ собирайтесь человекъ нѣсколько или по одиночкѣ и пойдите въ село Отрадное, гдѣ живетъ нашъ управитель, и упадите передъ нимъ на землю и попросите прощенія. Вѣдь, вы такъ долго жили безъ управителя; можетъ, чѣмъ согрѣшили словомъ или дѣломъ или помыслами; и попросите его, чтобы онъ принялъ васъ въ общину и благословилъ бы жизнь вмѣстѣ съ нами. Да будьте осторожны въ словахъ, а то нашъ благодѣтель очень строгій, совсѣмъ не такой, какъ была покойная Лукерья Васильевна. Она была, какъ милостивая мать. При ней можно было говорить все, что хочешь, а передъ нимъ нельзя говорить много, а то сразу словомъ убьетъ и прикажетъ выгнать изъ дома. А если, Богъ дастъ, онъ благословитъ васъ, тогда будетъ все хорошо: мы сейчасъ живемъ, какъ у Бога за дверьми, ни о чемъ головы не ломаемъ, дѣлаемъ, что прикажетъ, и все хорошо.

Но якутскимъ духоборамъ такое предложеніе показалось очень низкимъ и бессмысленнымъ. Они крайне опеча-

лились тѣмъ, что ихніе родные и знакомые находятся въ такомъ жалкомъ положеніи. Но они не хотѣли сразу оскорблять ихъ своимъ возраженіемъ, а потому они гозорили такъ: „развѣ мы исключены изъ вашего общества? А вы же сами только что сказали, что мы страдали ради всего общества, а мы тоже, гдѣ бы ни находились, всегда считали себя членами духоборскаго общества. А разъ мы не исключены, то почему же намъ проситься? Да у кого проситься? Вѣдь, мы пріѣхали къ своимъ роднымъ и знакомымъ. Вотъ, вы всѣ здѣсь, скажите намъ, желаете ли вы, чтобы мы жили съ вами?“

Родные и знакомые отвѣчаютъ, что они очень желаютъ жить съ ними.

— „Такъ намъ болѣе ничего и не надо. Вы желаете, мы желаемъ, и будемъ жить. Мы не будемъ долго ѣсть вашъ хлѣбъ, а мы начнемъ сами работать и будемъ кормиться своими трудами“.

Родные были очень опечалены такимъ отвѣтомъ, но все-таки старались уговаривать ихъ: „Нѣтъ, вы все-таки заявитесь къ хозяину, тогда вы по своему тѣлу узнаете, что въ немъ есть сила божественная. Вѣдь предъ нимъ всякая плоть человѣческая трепещетъ. Вотъ среди насъ есть какъ будто и бойкіе люди, а когда имъ придется являться къ хозяину, то они еще не дойдутъ и уже трясутся. Да хорошо, если благо обратится, а если зашумить на нихъ, то они совсѣмъ растеряются, не могутъ и слова сказать“.

Тогда якутскіе духоборы говорятъ имъ: „Что же тутъ удивительнаго, что вы его боитесь! Просто потому, что онъ можетъ наказывать васъ. Это и съ нами было, когда мы служили на военной службѣ, то всякаго офицера боялись, а если придется обращаться къ полковнику, то все тѣло дрожить, не можешь и слова сказать. А когда мы сознали, что они такіе же люди, какъ и мы, то куда и страхъ дѣвался. Такъ и вы. Если бы сознали, что П. В. такой же человѣкъ, какъ и вы всѣ, тогда бы вы съ нимъ разговаривали бы безъ всякаго страху, какъ разговариваете съ нами“.

Старики слушали такой разговоръ съ отвращеніемъ и боялись даже и подумать объ этомъ. А молодые многіе

прислушивались и начинали сами кое-что говорить въ этомъ родѣ. Петромъ Васильевичемъ было приказано всѣмъ общиннымъ духоборамъ, чтобы донесли ему все до слова, что будутъ говорить и дѣлать якутскіе духоборы, а потому ему каждый передавалъ обо всемъ.

Нѣкоторые изъ якутскихъ духоборовъ ходили къ П. В., во-первыхъ, потому, чтобы утѣшить своихъ родныхъ, а во-вторыхъ, потому, что хотѣли поговорить съ нимъ обо всемъ, но П. В. не то, чтобы говорить, а онъ приказалъ своимъ прислужникамъ, чтобы они не допускали къ нему и близко никого изъ якутскихъ духоборовъ. И разнесся слухъ по всѣмъ селамъ, что П. В. не хочетъ даже и видѣть якутскихъ духоборовъ. Тогда всѣ общинники стали смотрѣть на якутскихъ, какъ на грѣшниковъ, и говорить имъ, что—П. В. знаетъ всѣ наши намѣренія, мысли, и онъ не принимаетъ васъ потому, что вы идете не съ чистымъ сердцемъ. Небось его не обманешь. Онъ знаетъ, что вы думали еще въ Якутскѣ. А мы вѣримъ тому. Что онъ скажетъ, такъ и будетъ, хоть по душевной части и хоть по хозяйству. Посмотрите, какъ онъ насъ устроилъ. У насъ вонъ сколько разныхъ машинъ и паровозовъ и всего много.

— А сколько у васъ паровозовъ,—спрашиваютъ якутскіе.

— Да мы настояще не знаемъ; штукъ двадцать или больше,—говорятъ общинники.

— А сколько стоятъ всѣ ваши машины и паровозы?—спрашиваютъ якутскіе.

— А кто ихъ знаетъ. Мы ихъ не покупали и не знаемъ,—говорятъ общинники.

— Вотъ это то и плохо, что вы ничего не знаете, а вотъ мы ужъ узнали отъ Василія Голубева, который завѣдывалъ всѣми вашими машинами и паровозами, что всѣ паровозы стоятъ всего 67 тысячъ и 80 долларовъ, а всѣ машины стоятъ около 16 тысячъ, а всѣ постройки мельницъ, кирпичныхъ заводовъ и лѣсопильни и товарный складъ все стоитъ не болѣе, какъ 12 тысячъ и общественный табунъ стоитъ не болѣе, какъ 4 тысячи; а то, что П. В. накопилъ земли на ваши деньги, то вы эту землю не считайте своею: она никогда не была и не будетъ вашей, потому что всѣ

купчія крѣпости сдѣланы на имя П. В., а потому онъ одинъ есть ея хозяинъ, такъ что всего вашего общественнаго имущества есть приблизительно на сто тысячъ долларовъ, а вы должны банку 160 тысячъ долларовъ. Поэтому всѣ ваши паровозы нельзя считать своими, пока вы не выплатите долга. А куда же дѣваются ваши заработанные 150 тысячъ долларовъ, которые вы каждый годъ сдаете П. В.? Почему же онъ не платитъ ваши долги и почему онъ васъ моритъ голодомъ? Вѣдь вы ѣдите квасъ, да картофель. Вы посмотрите, у вашихъ дѣтей животы повыросли отъ такой пищи; потому они у васъ по три года не ходятъ, а вы сами въ такой холодъ ходите въ изношенной одеждѣ“.

Тогда общинники говорятъ: „Намъ разъ сказано, что не надо искать богатства, а лишь бы заработать душѣ спасеніе. А вѣдь только въ общинѣ можно спастись“.

А якутскіе говорятъ имъ: „въ чемъ же вы тутъ видите спасеніе? Развѣ только въ томъ, что ссоритесь за всякую мелочь? Вы пойдите въ общественную конюшню,—тамъ безконечныя ссоры; и гдѣ дѣлать молоко,—также постоянныя ссоры; и гдѣ дѣлать товаръ—тоже ссорятся и даже дерутся. Развѣ это спасеніе? Вонъ недавно въ селѣ Любомирномъ сельской кассиръ исколотилъ женщину, Пелагею Бирюкову, за то, что она, больная, не хотѣла идти на работу. Да ее же П. В. всячески ругалъ и она часа три стояла передъ нимъ на колѣняхъ. Развѣ это спасеніе? Или вонъ Димитрій Матросовъ, что недавно пріѣхалъ съ Кавказа. Самъ онъ лежитъ больной, а жена съ четырьмя дѣтьми сидитъ голодная, и въ такой холодъ они живутъ въ полуразрушенномъ домѣ, и вы не даете имъ куска хлѣба и выгнали ихъ изъ села потому, что вамъ приказалъ это П. В. Развѣ это спасеніе?“

А общинники говорятъ: „Да Матросовъ самъ виноватъ. Онъ почему же не спросилъ хозяина? Самовольно пріѣхалъ сюда съ Кавказа, да еще съ фермерами общается. А намъ приказано не общаться съ тѣми, которые выходятъ изъ общины“.

Въ то время по всѣмъ духоборскимъ селамъ былъ только одинъ разговоръ, что объ якутскихъ. Большинство общинниковъ говорили, что якутскіе—„отпадшіе“ преступники

передъ Богомъ. А многіе молодые говорили: „Что якутскіе говорятъ, это все правда“.

П. В., каждый день получая новыя свѣдѣнія, придумывалъ, какъ бы вытѣснить изъ общины всѣхъ якутскихъ духоборовъ. Первымъ долгомъ онъ придрался изъ-за пищи. Говоритъ: „Да, якутскіе начинаютъ указывать намъ, какую пищу ѣсть и всѣ порядки наши имъ не нравятся, такъ я вотъ покажу имъ, какъ распоряжаться за чужимъ столомъ“.

И онъ разослалъ приказы по всѣмъ духоборскимъ селамъ, чтобы, гдѣ есть якутскіе, не дать имъ никакой пищи на два дня, а потомъ, если не покорятся, то еще на два дня не дать имъ ѣсть; а если и тогда не покорятся, то исключить ихъ изъ общины за то, что они не могутъ цѣнить хлѣбъ, какъ даръ Божій. Этотъ приказъ опечалилъ всѣхъ общинныхъ духоборовъ, потому что имъ еще никогда въ жизни не приходилось никого морить голодомъ. Это для нихъ было страшно. Исполнить этотъ приказъ не позволяетъ совѣсть; а не исполнить,—П. В. обѣщаетъ послушникамъ вѣчную пропасть. И они разговаривали между собою: „Господи, Боже мой, какое время пришло. По неволѣ приходится морить голодомъ своихъ братьевъ, которые страдали, вырабатывали для всѣхъ насъ свободу вѣры и совѣсти. А еще мы называемся христіанами всемірнаго братства. При живности Лукерьи Васильевны не было этого. Она была милостивая, просила, чтобы всѣмъ помогли“. А другіе говорятъ: То было время, а теперь другое. Христосъ на престолѣ сидитъ и все новое творить.

Въ каждомъ селѣ собирали сходки и призывали якутскихъ и заявляли имъ такъ: „Вотъ мы получили приказъ отъ нашего хозяина, чтобы вамъ не дать хлѣба на два дня, а потомъ если не покоритесь, еще на два дня“, и вычитываютъ имъ этотъ приказъ. „Но что вы на это скажете?“

А якутскіе говорятъ: „Это, братья, дѣло ваше. Хлѣбъ вашъ вы можете и не давать намъ. Но это насъ нисколько не страшитъ, потому что намъ въ жизни приходилось всего испытать, и холоду и голоду. Вотъ только плохо будетъ съ малыми дѣтьми. Вѣдь они голодными будутъ кричать и это не хорошо будетъ для васъ. Вѣдь вы называете себя христіанской общиной всемірнаго братства“.

Тогда нѣкоторые изъ общинниковъ говорятъ, что дѣтямъ можно давать хлѣба; а другіе говорятъ: „Если бы можно, то было бы въ приказѣ написано. А разъ написано не дать,—значить никому не дать“.

Такъ расходились люди со сходки. Никто не рѣшался отбирать хлѣбъ. Это тянулось болѣе недѣли. Почти каждый день собирались и говорили, пока проповѣдникъ Николай Зиборовъ показаль примѣръ: продержалъ два дня голодными своего родного брата Григорія съ женой и четырехлѣтнимъ мальчикомъ. Тогда нѣкоторые послѣдовали его примѣру. А большинство селъ такъ и не могли исполнить того приказа. Въ селѣ Петровомъ было два семейства якутскихъ: Рыльковъ и Махортовъ. У обоихъ у нихъ есть жены и малыя дѣти. Жители села Петрова сначала тоже не исполнили приказъ не давать хлѣба. Никто изъ нихъ не рѣшался отобрать продукты отъ Рыльковыхъ и Махортовыхъ. А потомъ мимо села Петрова проѣзжалъ П. В. и увидѣлъ одного мальчика и спросилъ его: „Что, ваши старики отобрали продукты отъ якутскихъ?“ А мальчикъ отвѣтилъ, что нѣтъ, не отобрали. Тогда П. В. осердился и началъ ругаться. Говорить: „будь они прокляты! Скажи имъ, что я болѣе не приѣду въ ихнее село“. Мальчикъ побѣжалъ въ село и разсказаль, что ему сказалъ П. В. Жители испугались угрозъ П. В. и сейчасъ же собрались и пошли и отобрали все, что было изъ продуктовъ у якутскихъ духоборовъ, и уже свареный борщъ вылили на землю. Женщины плакали и просили оставить хлѣба хоть для дѣтей, а они отвѣчаютъ: „Что, мы черезъ васъ погибать будемъ? Мы ужъ разъ пожалѣли было васъ и тѣмъ прогнѣвили хозяина. Вы просите его. Если онъ прикажетъ, мы съ радостью будемъ васъ кормить“. И такъ Рыльковыхъ и Махортовыхъ исключили изъ общины. Въ то время село Петрово переходило изъ стараго въ новое село, а якутскимъ не позволили переходить съ ними, а потому они жили въ брошенномъ селѣ. Послѣ этого Рыльковъ и Махортовъ пошли было къ П. В., хотѣли поговорить съ нимъ. Но онъ приказаль не допускать ихъ близко къ нему. П. В. увидѣлъ, что онъ этимъ своимъ приказомъ не устрасилъ якутскихъ, а только разстроилъ общинныхъ духоборовъ. Тогда онъ разослаль по селамъ еще приказъ, чтобы отъ

якутскихъ потребовали деньги въ общую кассу, а если они не дадутъ денегъ, то исключить ихъ изъ общины. Онъ зналъ, что денегъ у нихъ нѣтъ, а дѣлалъ это потому, чтобы скорѣе вытѣснить ихъ изъ общины...

Опять по селамъ начали собирать сходки и требовать отъ якутскихъ деньги. Большинство изъ нихъ отвѣчали, что денегъ нѣту, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли по немного денегъ. Они поступили разнo. Одни изъ нихъ положили свои деньги въ общую кассу, а другіе говорили такъ: „Хотя у насъ есть нѣсколько рублей денегъ, но мы не дадимъ ихъ, потому что мы видимъ, что П. В. хочетъ насъ вытѣснить изъ общины. А потому намъ эти деньги будутъ нужны хоть на первый случай купить для дѣтей хлѣба или одежду“.

Такимъ образомъ, якутскимъ духовоборамъ пришлось снова разставаться со своими родными и ближними. Нѣкоторыхъ изъ нихъ просто выгоняли. Другіе, видя, что на нихъ всѣ смотрятъ съ презрѣніемъ, сами удалялись; а нѣкоторые, желая уговорить своихъ родныхъ, на время дѣлались общинниками.

Незадолго передъ этимъ, въ село Отрадное, гдѣ жилъ П. В., пришелъ изъ Якутска Семень Морозовъ. Человѣкъ онъ ужъ не молодой. Его встрѣтили съ радостью жена и дѣти. Старшій сынъ ужъ былъ женатъ. Морозовъ высказывалъ свое мнѣніе своему семейству относительно П. В., что онъ признаетъ его за обыкновеннаго человѣка и находитъ неправильность въ его поступкахъ. Объ этомъ сейчасъ же донесли П. В., а онъ приказалъ допросить семейство Морозова; если они хотятъ жить въ общинѣ, то они должны сейчасъ же выгнать изъ дома пришедшаго изъ Якутска Морозова; а если они желаютъ жить съ нимъ, то сейчасъ исключить ихъ всѣхъ изъ общины и не имѣть съ ними никакого сношенія. Семейство Морозова испугалось угрозъ П. В. и выгнало изъ дому своего отца и жена мужа. Когда выгнали, то всѣ плакали, какъ по покойнику. Морозовъ въ зиму пошелъ зарабатывать себѣ пропитаніе, и тамъ простудился и заболѣлъ, и снова рѣшился пойти къ своему семейству, думая, что надъ больнымъ можетъ и сжалятся. Жена и дѣти хотѣли принять его, чтобы никто не зналъ, пока онъ выздоровѣетъ,

но сноха рассказала сосѣдямъ и опять донесли П. В., и онъ снова приказалъ выгнать. Такъ Морозовъ до сего времени не имѣетъ права видѣться съ своимъ семействомъ.

На сѣверномъ участкѣ есть духоборское село Покровка. Это названіе они сами себѣ назначили, когда пришли въ Канаду. А по приѣздѣ П. В. у нихъ вышла неудача. Жители села Покровки два года подъ рядъ сдали денегъ въ общую кассу меньше, чѣмъ сдали другія всѣ села. П. В. назвалъ ихъ лѣнтяями и въ наказаніе имъ далъ новое названіе ихнему селу. вмѣсто Покровки назвалъ его „Недохватное“, и это позорное названіе они носили нѣсколько лѣтъ и всегда чувствовали себя преступниками, отбывающими срокъ своего наказанія и всѣми силами старались исправить себя въ этомъ. Они стали сдавать денегъ ужъ болѣе другихъ селъ, а все-таки называли ихнее село Недохватнымъ. Имъ это казалось непереносимой обидой. Они хотѣли просить П. В., чтобы онъ перемѣнилъ имъ названіе села. Да никто не осмѣливался подойти съ этой просьбой. Потомъ они рѣшили написать прошеніе и подать П. В. Выбрали со всего села самого грамотнаго человѣка и поручили ему писать прошеніе. И онъ исписалъ два большихъ листа бумаги. Начиналось прошеніе такъ: „Господь ты нашъ милосердный. Велика твоя милость святая. Сжался надъ нами, яви намъ своей милости хоть съ маковое зернышко. Сними съ насъ тяжелое наказаніе. Дай нашему селу какое либо христіанское названіе. Мы будемъ стараться изо всѣхъ силъ, чтобы у насъ не было впредь недостатковъ“. И такими просьбами и обѣщаніями были переполнены два листа. Потомъ собрали сходку и вычитали прошеніе, и всѣмъ понравилось. Въ селѣ „Недохваткѣ“ былъ изъ якутскихъ Григорій Войкинъ. Его тоже позвали на сходку и спросили его, нравится ли ему это прошеніе. Войкинъ отвѣтилъ, что прошеніе это не имѣетъ никакого здраваго смысла; во-первыхъ потому, что названіе не сдѣлаетъ людей плохими, если они сами по себѣ хорошіе; а во-вторыхъ потому, что вы въ прошеніи называете П. В. Богомъ, а вѣдь вы знаете, что Богу не подають прошенія на бумагѣ, а если онъ Богъ, то вы молитесь здѣсь. Онъ долженъ услышать васъ и перезвать ваше село, а если онъ не услышитъ, то значить онъ такой же человѣкъ, какъ

и мы, и нечего его просить, а самимъ дать названіе своему селу, какое вамъ нравится. Нѣкоторые общинники стали, было соглашаться съ Войкинымъ, но большинство зашумѣли, что якутскій—невѣрующій, потому говорить такъ. Сейчасъ же отправили прошеніе къ П. В. Черезъ недолгое время П. В. пріѣхалъ въ гости въ село „Недохватное“ и былъ очень веселый. Спросилъ, кто это прошеніе писалъ, а потомъ сказалъ: „Вотъ я даю новое названіе вашему селу. Отнынѣ ваше село будетъ называться „Покровеніе Духа Святаго“. Тогда они всѣ упали на землю и поблагодарили его за такую милость. И потомъ П. В. уѣхалъ домой. А Григорія Войкина вскорѣ послѣ этого выгнали изъ селенія за то, что онъ неправильно истолковалъ ихъ прошеніе.

Послѣ всего этого среди общинныхъ духоборовъ появилось разногласіе относительно якутскихъ духоборовъ. Одни говорили, что они достойны, чтобы ихъ выгоняли, а другіе говорятъ, что—мы сами хуже якутскихъ, только не хотимъ слушать, что они говорятъ намъ правду. Однажды въ воскресенье собралось нѣсколько человѣкъ молодыхъ общинныхъ духоборовъ и завели разговоръ о якутскихъ. Одинъ изъ нихъ задалъ вопросъ такой: „Вотъ, братья, я не могу понять, что это написано въ приказѣ. Предписываю Христіанской Общинѣ Всемирнаго Братства не дать хлѣба своимъ же якутскимъ братьямъ.—А по моему, если ужъ всемірное братство, то нужно всѣмъ давать. А если не давать, то не надо называться всемірнымъ братствомъ“. А другіе говорятъ: „Да они то якутскіе ужъ очень смѣло поступаютъ. Вонъ Григорій Зиборовъ на сходкѣ при всѣхъ сказалъ, что П. В. самъ очень низко понимаетъ. Развѣ можно такъ говорить на хозяина?“ А другой говоритъ: „Да вѣдь онъ это потому сказалъ, что въ приказѣ написано, что якутскіе не могутъ цѣнить хлѣбъ, какъ даръ Божій. А потому Зиборовъ и говоритъ: „Мы то можемъ цѣнить хлѣбъ, потому что намъ приходилось много разъ быть голодными. Мы когда были въ дисциплинарномъ баталіонѣ, то, бывало, найдешь валяющійся кусочекъ хлѣба, да оботрешь его, и съѣшь вмѣсто калача. Да и въ Якутскѣ первую зиму чуть не умерли съ голоду. Да, только тотъ, кто побудетъ голодный, можетъ оцѣнить хлѣбъ, какъ даръ Божій“.

— „А П. В. всегда былъ засыпанъ по горло деньгами и никогда не видалъ недостатка въ пищѣ, а потому онъ очень низко понимаетъ о хлѣбѣ. А вѣдь, если правду сказать, оно такъ и есть. Вѣдь, мы же сами знаемъ, что П. В. на принцѣ Альбертѣ самъ сказалъ общинникамъ, что онъ во время своей ссылки израсходовалъ на себя 32 тысячи рублей денегъ. Это подумать надо: на одного человѣка 32 тысячи. А вѣдь якутскіе ничего отъ духовоборовъ не получали, а тѣ деньги, которыя мы обществомъ посылали имъ, они не видѣли ихъ, потому что ихъ получали Вася, и Ваня, и Гриша Веригины“.

А другіе говорятъ: „А что же по твоему? Ихъ надо равнять съ хозяиномъ, что-ли? Они вонъ, якутскіе, говорятъ и на всѣхъ насъ, что мы ничего не понимаемъ. Вонъ въ селѣ Петровкѣ Николай Рыльковъ, якутскій, всѣхъ назвалъ машинными колесами. Говорить, „вы крутитесь только тогда, когда П. В. наложить на васъ ремень; а сами вы ничего не понимаете“,—развѣ это хорошо? Только они—якутскіе—понимаютъ, а мы видно хуже ихъ, что ли?“

А другіе говорятъ: „А что, не правда?“—Намъ приказываютъ брать палки и бить голыхъ своихъ братьевъ, и мы беремъ и бьемъ. Намъ приказываютъ морить голодомъ своихъ братьевъ и мы то же дѣлаемъ, и никто не подумаетъ, хорошо ли это или дурно? Развѣ это не машинныя колеса? А сами мы чѣмъ лучше якутскихъ? Никто изъ насъ правдой не живетъ. Вонъ въ селѣ Богдановкѣ призвали на сходку якутскаго Ивана Малахова и спрашиваютъ его: „У тебя есть деньги?“ И онъ говоритъ: „Есть рублей сорокъ“. Они говорятъ: „Нашъ хозяинъ предписываетъ въ приказѣ, чтобы вы всѣ эти деньги положили въ общую кассу, потому что, кто живетъ въ общинѣ, тотъ не долженъ имѣть у себя на рукахъ денегъ ни одного цента“. А Малаховъ говоритъ: „хорошо, я положу свои деньги, если только и вы всѣ положите до одного цента“. А они говорятъ: „у насъ нѣту, мы уже давно живемъ безъ денегъ“. А Малаховъ говоритъ: „какъ это нѣту? Я знаю, что вотъ у этого есть деньги“, указывая на угадъ сидящаго около него человѣка. Тотъ оробѣлъ и думалъ, что и правда Малаховъ знаетъ, что у него есть деньги, и говоритъ: „Да вы думаете, что только у одного меня есть

деньги? Я знаю, что у всѣхъ есть“, и начали тогда указывать одинъ на другого, и оказалось, что у всѣхъ есть денегъ болѣе, чѣмъ у Малахова. А Малаховъ и говорить имъ: „это очень плохо, что вы свои деньги крадете и дѣлаетесь ворами, и называетесь христіанами“. Тогда они начали оправдываться. Говорятъ: „это мы оставили изъ своихъ заработковъ на крайнюю нужду. Часто бываетъ, что въ семействѣ кто заболѣетъ, и не за что будетъ купить лѣкарства“. А Малаховъ говоритъ: „У васъ же есть деньги въ общей кассѣ?“ А они говорятъ: „Но ужъ изъ кассы то не дадутъ“. А онъ имъ говоритъ: „А на что же вы устроили себѣ такую кассу, что туда класть можно, а оттудова и на нужду взять нельзя? Развѣ такая должна быть общая касса? Это не община, а это рабство“. Тогда имъ всѣмъ стало совѣстно, и они уже болѣе не стали требовать денегъ отъ Малахова. Вотъ вамъ и плохіе якутскіе, а мы хорошіе. Они насъ обличаютъ, а мы ихъ за то не любимъ. Они вонъ, якутскіе, затрагиваютъ самого хозяина и этихъ дѣвушекъ... А мы братцы, только лицемѣримъ...

Во время этого разговора люди все приходили и ихъ набралось полный домъ. Разговоръ этотъ прервался пришедшими туда стариками, которые начали почти ругать собесѣдниковъ, говоря: „Вы что, молокососы, начали свои порядки вкладывать? Про васъ только доложить хозяину: онъ вамъ покажетъ, какъ распоряжаться. Якутскихъ вонъ выгоняютъ. То и вамъ будетъ“.

П. В., видя, что онъ своими строгими мѣрами не успокоиваетъ, а болѣе разстраиваетъ всѣхъ общинныхъ духовъ, сталъ прибѣгать къ своему обычному средству. Онъ призвалъ къ себѣ двухъ проповѣдниковъ — Пономарева и Зиборова — тѣхъ самыхъ, которые до его пріѣзда вели босыхъ духовъ навстрѣчу Христу. И онъ приказалъ имъ итти по всѣмъ духовъ селамъ и увѣщевать духовъ, чтобы они перестали роптать, а молились бы Богу, потому что время Страшнаго Суда Божьяго близко. Пусть ожидаютъ каждую минуту. Проповѣдники разошлись по разнымъ селамъ и говорили, что имъ было приказано. Когда Зиборовъ пришелъ въ село Любомирное, гдѣ я въ то время находился, онъ приказалъ собраться всѣмъ мужчи-

намъ и женщинамъ въ одинъ домъ. Я тоже пошелъ туда. Зиборовъ началъ такъ: „Вотъ, братья и сестры, хозяинъ нашъ очень опечаленъ тѣмъ, что между вами появился ропотъ и недовольствіе. Многіе изъ васъ недовольны пищей и одеждой и всѣми порядками, которые онъ самъ установилъ. А вы знаете, что ропотъ ведетъ въ погибель? Хозяинъ очень жалѣетъ васъ и потому послалъ насъ предупредить васъ, что время страшнаго суда Божьяго наступаетъ не нынче-завтра. То вы ждали годы, а теперь остались минуты. А потому онъ совѣтуетъ вамъ бросить всякія размышленія и молиться Богу и со страхомъ ожидать каждую минуту. Среди васъ появилось много невѣрующихъ людей, которые совращаютъ васъ съ истиннаго пути. Вотъ съ Якутска пріѣхали наши бывшіе братья. Они даже не признаютъ Бога, а потому хозяинъ совѣтуетъ съ ними даже не разговаривать“.

Тогда я спросилъ Зиборова: „Скажи мнѣ, кто изъ якутскихъ говорилъ тебѣ, что онъ не признаетъ Бога?“

Но Зиборовъ не могъ указать. А потомъ сказалъ: „Но если они признаютъ Бога, а Христа во второмъ пришествіи не признаютъ, то кто не знаетъ Христа, тотъ не знаетъ и Бога“.

Я спросилъ его, въ какомъ онъ видѣ признаетъ пришествіе Христа.

А онъ говоритъ мнѣ: „Вамъ нечего говорить, потому что вы не вѣрите“. А потомъ онъ обратился ко всѣмъ слушающимъ и говоритъ: „А вамъ тоже я не буду рассказывать о пришествіи Христа, потому что вы должны знать, кто Христосъ и что пришествіе его. А если вы только будете такъ роптать и слушать отпадшихъ людей, то онъ скажетъ на васъ: „Будь вы прокляты!“ и уйдетъ отъ васъ. Такъ вы и погибнете. Эта будетъ та самая молнія, о которой написано, что блеснетъ отъ востока и до запада“. А потомъ Зиборовъ обратился къ женщинамъ и говоритъ: „А васъ, сестры, господинъ нашъ просилъ, чтобы вы пребывали въ вѣрѣ и надеждѣ и чтобы уговаривали своихъ мужей, чтобы они не бросали общину. Вѣдь только въ общинѣ есть спасеніе. Все то дорого для Бога, кто что дѣлаетъ въ пользу общины. А безъ общины, какъ бы люди хорошо не дѣлали,

все есть ничто передъ Богомъ. Вотъ приближается время, что Богъ выберетъ своихъ вѣрныхъ, а остальныхъ всѣхъ истребитъ съ лица земли“.

Тогда я спросилъ Зиборова: „На чьи деньги всѣ духовоборы переѣхали изъ Кавказа въ Канаду?“

А Зиборовъ говоритъ, что имъ посторонніе люди пособляли.

— „А кто эти люди, которые пособляли вамъ?“ говорю я.

А онъ говоритъ: „Мы ихъ лично не знаемъ, а всѣ пожертвованія шли черезъ Л. Н. Толстого и черезъ Чертковыхъ, а болѣе всѣхъ пособляли христіане изъ Америки. Ихъ называютъ квакерами. Они израсходовали на насъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Они платили за проѣздъ по морю, и въ Канадѣ первые годы доставляли намъ продукты, и одежду и все, что намъ было нужно“.

Я тогда сказалъ: „Вотъ они не живутъ въ общинѣ и не признаютъ П. В. за Христа; значить, по твоему ученію, ихнія жертвованія есть ничто передъ Богомъ?“

А онъ говоритъ: „Да они, можетъ, повѣрятъ во Христа и соединятся съ нами“.

А я говорю: „А если не соединятся?“

А онъ говоритъ: „Тогда погибнуть вмѣстѣ съ другими грѣшниками“. Тогда онъ обратился ко всѣмъ слушающимъ и говоритъ, что всѣ жертвованія были ради нашего господина и по его желанію. А если бы не онъ, то намъ бы никто не далъ куска хлѣба, и мы бы пропали.

Такъ проповѣдники говорили по всѣмъ селамъ, и послѣ ихней проповѣди общинники замолчали; начали молиться Богу и ожидать суда Божьяго.

На слѣдующее лѣто П. В. ужъ не пустилъ общинныхъ духовоборовъ на вольныя заработки, гдѣ они могли почти полгода пользоваться свободнымъ размышленіемъ и разговаривать съ посторонними людьми и якутскими духовоборами, отъ чего могло разсѣиваться суевѣріе. Во избѣжаніе всего этого онъ придумалъ средство удержать ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Онъ обязался желѣзнодорожной компаніи выработать нѣсколько миль строящейся желѣзной дороги. Туда и пригналъ всѣхъ своихъ рабочихъ. Приказчиками поставилъ своихъ проповѣдниковъ, которые вмѣстѣ съ работой внушали рабочимъ

быть послушными своему господину и не имѣть у себя денегъ. Приказчикамъ было дано право немедленно выгнать изъ общества рабочихъ тѣхъ изъ нихъ, которые осмѣлятся въ чемъ либо противорѣчить имъ.

Петръ Васильевичъ, пріѣзжая туда на работу, говорилъ рабочимъ, чтобы они не такъ скоро работали и чтобы не потѣли. А приказчикамъ приказывалъ, чтобы они заставляли рабочихъ скорѣе работать. А когда П. В. возвращался съ работы домой, то разсылалъ по селамъ приказы, въ которыхъ говорилъ, что онъ очень радъ, что рабочіе всѣ вмѣстѣ и говорилъ, что въ этомъ большая польза для нихъ всѣхъ. Въ томъ же приказѣ онъ объявилъ, чтобы всѣ общинные духоворы постригли волосы дѣвочкамъ до 13-ти лѣтняго возраста, а съ мальчиковъ чтобы сняли штаны и надѣли длинныя рубахи. Дѣвочки очень плакали, когда ихъ родители насильно стригли, а мальчики тоже и стыдятся ходить безъ штановъ; прятались, не хотѣли, чтобы люди видѣли ихъ.

По окончаніи работы на желѣзной дорогѣ П. В. получилъ всѣ деньги. И, какъ видно, эта коммерція ему очень понравилась. Ему бы хотѣлось увеличить ее. Онъ вспомнилъ, что въ Россіи есть много забитыхъ и голодныхъ мужиковъ, которыми онъ рѣшилъ воспользоваться. Онъ узналъ отъ компаніи, что имъ надо много рабочихъ. Тогда онъ предложилъ имъ свои услуги, что онъ доставитъ имъ 10 тысячъ русскихъ дешевыхъ рабочихъ. Компаніи такое предложеніе показалось выгоднымъ, а потому они пообѣщались заплатить П. В. за каждого привезеннаго имъ рабочаго человѣка. Вскорѣ послѣ этого П. В. сталъ собираться ѣхать въ Россію. Передъ отъѣздомъ онъ разослалъ по всѣмъ селамъ большой приказъ, въ которомъ объявилъ духоворамъ, что онъ уѣзжаетъ въ Россію мѣсяцевъ на шесть и приказалъ, чтобы не пріѣзжали всѣ духоворы провожать его, а чтобы пріѣхали изъ cadaго села одинъ мужчина и одна женщина, и чтобы они привезли денегъ на дорогу отъ всего села, какъ вольное пожертвованіе, а такъ какъ онъ знаетъ, что денегъ въ селахъ нѣту, то пусть займутъ, гдѣ дадутъ, а послѣ отработаютъ. А также онъ приказалъ, чтобы всѣ находящіеся въ общественномъ складѣ товары для одежды и другіе мате-

ріалы, купленные разъ за общественныя деньги,—теперь покупали снова каждый за свои деньги; у кого нѣтъ денегъ, тому будутъ давать въ долгъ и будутъ присчитывать проценты; и чтобы съ cadaго села продали по 2000 бушелей пшеницы и деньги чтобы отдали его секретарю Семену Рябину, а если въ какомъ селѣ мало пшеницы, то все-таки должны продать означенное число, а если ѣсть будетъ нечего, то должны просить у сосѣдей. Деньги собирать за пшеницу и за товары онъ поручилъ Семену Рябину и Василю Потапову, а обращаться за наставленіями до его приѣзда онъ приказалъ проповѣдникамъ Пономареву и Зиборову. А Ивану Конкину онъ приказалъ разъѣзжать по селамъ и слагивать хоры пѣвчихъ, готовить ихъ къ встрѣчѣ по приѣзду П. В. изъ Россіи.

Въ назначенный день съѣхались съ cadaго села мужчины и женщины съ деньгами провожать П. В. съ его спутниками. А спутниками были: его помощникъ Павелъ Планидинъ и 90-лѣтній старикъ Махортовъ, двѣ дѣвушки и переводчикъ (англійскаго языка) Гридчинъ (духоборъ). Поѣхали они не прямо въ Россію, а заѣзжали въ разныя государства, осматривали столичныя города и разные музеи и проч. Всюду, гдѣ разъѣзжалъ П. В., онъ находилъ друзей Л. Н. Толстого и всѣхъ тѣхъ людей, которые сочувствовали духоборамъ во время гоненія ихъ на Кавказѣ и подавали имъ денежную помощь. Какъ потомъ мы узнали изъ писемъ русскихъ друзей, онъ расхваливалъ имъ духоборскую общину, говорилъ, что духоборская община вытекаетъ изъ религіознаго міровоззрѣнія и изъ любви къ ближнему, а управляется община комитетомъ, выборными мужчинами и женщинами, и что онъ, П. В., обыкновенный членъ общины, что этотъ годъ онъ не попалъ даже въ выборные. Говорилъ онъ также, что община послала его поблагодарить всѣхъ тѣхъ людей, которые пособляли имъ въ трудное время. А еще онъ говорилъ имъ, что духоборская община живетъ очень богато; имѣетъ на каждыя три села паровую мельницу и разные заводы и склады, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они имѣли (въ 1906 г.) на 13 селъ одну мельницу съ однимъ каменнымъ маленькимъ жерновомъ, работаютъ безъ всякой очистки. Мука годится только для себя, а въ продажу не

годится: Онъ хвалился, что у духоборовъ браки отличаются особенной прочностью, тогда какъ на самомъ дѣлѣ самъ онъ прогналъ свою законную жену и по его приказанію чуть не каждый день производятся разводы мужей съ женами. И еще много онъ говорилъ того, чего нѣтъ и не было.

По пріѣздѣ въ Россію онъ заявился къ Л. Н. Толстому и ему говорилъ тоже. А потомъ онъ принялся выполнять свою главную задачу: вызывать охотниковъ рабочихъ въ Канаду. Онъ помѣщалъ статьи въ газетахъ, гдѣ объяснялъ всѣ выгоды работы въ Канадѣ. Онъ обращался въ рабочіе комитеты и старался убѣдить ихъ, что онъ—искренній доброжелатель русскихъ голодающихъ рабочихъ. Но старанія его были напрасны. Рабочіе комитеты не одобрили его плана.

Такъ и не пришлось воспользоваться русскими рабочими.

По возвращеніи въ Канаду онъ разослалъ по всѣмъ селамъ большое письмо съ разъясненіемъ о поѣздкѣ его въ Россію. Онъ писалъ, что онъ былъ въ девяти государствахъ и что вездѣ его очень хорошо встрѣчали и провожали, и что въ Россіи онъ разговаривалъ съ шестью генералами и со всѣми министрами, и будто всѣ они очень любезно принимали его и очень рады были, что онъ заявилъ желаніе возвратиться въ Россію, и будто министръ внутреннихъ дѣлъ въ его присутствіи по телефону говорилъ о немъ и тоже очень радъ, что онъ желаетъ возвратиться въ Россію. Въ томъ же письмѣ П. В. благодарилъ Ивана Конкина за то, что онъ хорошо подготовилъ пѣвчихъ.

До того времени духоборы, живя въ Канадѣ, пользовались землей, но не хотѣли принимать Велико-Британскаго подданства. Правительство ужъ не разъ заявляло, что если они не примутъ подданства, то оно отберетъ отъ нихъ землю. Но духоборы не обращали на это вниманія, потому что они думали, что правительство не можетъ этого сдѣлать, если не пожелаетъ этого П. В. Но въ то время, когда П. В. ѣздилъ въ Россію, Канадское правительство исполнило свое обѣщаніе: отобрало отъ общинныхъ духоборовъ землю, а оставило имъ для прокормленія по 15 акровъ на душу и заявило духоборамъ, что они могутъ пользоваться этой зем-

лей, пока будетъ угодно правительству, а когда доложили объ этомъ П. В., то онъ осердился на Канадское правительство и сказалъ духовоборамъ, что онъ не хочетъ навсегда оставаться жить въ Канадѣ, а найдетъ мѣсто съ теплымъ климатомъ и безъ подданства и туда переселить всѣхъ общинныхъ духовоборовъ, гдѣ они будутъ заниматься садоводствомъ. А въ Канадѣ послѣ того, какъ уѣдутъ оттуда духовоборы, П. В. сказалъ, что будетъ шесть лѣтъ подъ рядъ голодъ и смятеніе народа за то, что они не оцѣнили его величія.

Чтобы оправдаться передъ тѣми людьми, которымъ онъ хвалился, что духовоборская община живетъ богато и во всемъ имѣетъ изобиліе, П. В. рѣшилъ послать пять тысячъ долларовъ въ помощь русскимъ голодающимъ. Одну тысячу онъ положилъ изъ тѣхъ денегъ, что остались у него отъ поѣздки, а четыре тысячи онъ приказалъ духовоборамъ занять въ банкѣ. Собравъ, онъ послалъ всѣ эти деньги на имя Л. Н. Толстого, и этимъ еще болѣе убѣдилъ его въ томъ, что онъ говорилъ правду о богатствѣ духовоборской общины. Но въ сущности духовоборская община въ нынѣшнемъ (1908) году терпитъ недостатки нисколько не меньше, какъ русскіе голодающіе, потому что бывшій у нихъ старый хлѣбъ П. В. приказалъ весь продать и предоставить ему деньги, а новый хлѣбъ нынѣшней зимой убилъ морозъ такъ сильно, что большую часть пришлось скосить на сѣно, а какой и смолотили, то онъ настолько плохъ, что ѣсть его можно только въ силу крайней необходимости. Кромѣ того, не задолго передъ тѣмъ, какъ морозъ убилъ хлѣбъ, П. В. разослалъ по селамъ приказъ, чтобы съ каждаго села продали по 15 коровъ и представили деньги въ общую кассу. А мы ужъ раньше сказали, что въ общинѣ имѣется всѣхъ коровъ около 20 головъ на село; во многихъ селахъ меньше 20, а въ одномъ селѣ оказалось только 16 коровъ, такъ что по продажѣ 15-ти коровъ у нихъ оставалось на все село одна корова. Они назначили двухъ человѣкъ и послали попросить П. В., чтобы онъ оставилъ имъ хоть трехъ коровъ, чтобы имъ имѣть молока хоть для малыхъ дѣтей. Но П. В. отвѣтилъ на ихъ просьбу очень грозно, сказалъ имъ: „Если не хотите исполнять мое повелѣніе, то хоть совсѣмъ не продавайте“. Такой отвѣтъ заставилъ ихъ скорѣй исполнить его приказаніе.

Кромѣ голодовки духоборскую общину угнетаютъ долги, на которые имъ приходится платить проценты. Кромѣ того, что они должны банку, еще каждое село должно по тысячѣ и по двѣ въ свой общественный складъ, туда тоже нужно платить проценты. Да бѣда въ томъ, что расплатиться съ долгами нельзя, потому что всѣ деньги, заработанныя и полученные отъ продажи хлѣба и скота, немедленно надо отдавать въ общую кассу.

Вскорѣ послѣ этого П. В. приказалъ, чтобы въ каждомъ селѣ была одна общая хлѣбопекарня, и чтобы женщины поочереди пекли хлѣбъ для всего села. Но такъ какъ у однѣхъ очередныхъ женщинъ хлѣбъ удавался лучше, а у другихъ хуже, то люди не хотѣли принимать плохой хлѣбъ, а требовали хорошій. Отъ этого вышли безконечныя ссоры и драки, такъ что и выборныя женщины не могутъ уладить этотъ вопросъ.

Еще въ то время, когда духоборы пріѣзжали въ Канаду, то часть духоборовъ съ послѣднихъ партій избрали себѣ мѣсто для поселенія около трехъ сотъ миль на югъ отъ общаго поселенія духоборовъ. Мѣсто это называется Принцъ Альбертъ, въ Саскачеванскомъ округѣ. Тамъ они основали себѣ 13 селъ. Всѣ они поселились вблизи такъ называемой Красной рѣчки. Мѣста тамъ много разъ лучше тѣхъ мѣстъ, гдѣ поселились первыя партіи духоборовъ. Тамъ не надо выкапывать деревянные кусты для расчистки земли подъ пашню, что приходилось дѣлать тамъ, гдѣ живутъ остальные духоборы. И такъ какъ то мѣсто расположено далеко южнѣй, то тамъ морозъ не убиваетъ хлѣбъ такъ, какъ онъ убиваетъ почти каждый годъ въ другихъ мѣстахъ духоборческихъ поселеній, а потому та часть духоборовъ, которая поселилась на Принцъ-Альбертъ, очень скоро пережила всякую нужду и стали жить полными хозяевами. Они завели достаточно скота и стали засѣвать много хлѣба, такъ что хватало для себя и еще продавали. Но по пріѣздѣ въ Канаду П. В., они тоже отдали себя въ его распоряженіе. По его приказанію большая часть изъ нихъ примкнули къ общинѣ, сложивъ все свое имѣніе въ одно мѣсто, и стали жить сообща. Но хотя они жили въ общинѣ, но они не терпѣли такихъ недостатковъ, какъ терпятъ общинныя духоборы въ

общемъ поселеніи. А немногіе изъ нихъ сразу не захотѣли жить въ общинѣ, остались при своихъ хозяйствахъ. А многіе изъ нихъ прожили недолгое время въ общинѣ и убѣдились, что община устраивается не ради душеспасенія, а ради денежной наживы одного человѣка, а потому они стали одинъ за другимъ выходить изъ общины и стали жить каждый своимъ хозяйствомъ. П. В. всѣми силами старался удержать ихъ въ общинѣ. Онъ обѣщалъ выходящимъ изъ общины вѣчную пропасть, а оставшимся въ общинѣ онъ строго приказывалъ не сообщаться съ ними и не разговаривать. Но ни какъ онъ не могъ возстановить между ними враждебныхъ отношеній. Какъ только онъ уѣдетъ отъ нихъ, то они опять начинаютъ жить по-дружески. Онъ часто посылалъ туда своихъ посланниковъ поддерживать ихъ, но все это было напрасно. Общинные и необщинные всегда сходились вмѣстѣ, разговаривали и продолжали одинъ за другимъ выходить изъ общины, такъ что необщинныхъ образовалось не малое общество. Они построили школу и начали обучать своихъ дѣтей грамотѣ по-англійски и по-русски. Школу они построили на тѣ деньги, о которыхъ мы раньше сказали, что пожертвовала 15 тысячъ долларовъ покойная женщина—англичанка. П. В. увидѣлъ, что та часть духоборовъ скоро выйдетъ изъ его подчиненія. Тогда онъ строго приказалъ оставшимся въ общинѣ оставить эти мѣста, на которыхъ они жили, и переселиться туда, гдѣ живутъ всѣ духоборы, и занять тѣ худшія мѣста, которыхъ до сихъ поръ никто не хотѣлъ занимать. Они сразу не могли отказаться и пообѣщали переселиться, но потомъ имъ очень жаль было бросить тѣ мѣста, гдѣ они жили. Хотя не съ охотой, но все таки они начали переселеніе, но такъ медленно, что оно тянулось очень долго, такъ что одни переѣзжали, а другіе нѣтъ. П. В. убѣдился въ томъ, что разоренные и голодные духоборы гораздо лучше ему подчиняются. Тогда онъ началъ разорять и принцъ-альбертскихъ общинныхъ духоборовъ. Приказалъ имъ продать весь хлѣбъ и доставить деньги въ общую кассу, а такъ какъ они не хотѣли продавать весь хлѣбъ и оставляли себѣ по-немногу въ запасъ, П. В. посылалъ туда своихъ приказчиковъ, которые ходили по амбарамъ и, находя оставшійся хлѣбъ, принуждали ихъ

продавать все до зерна и доставлять деньги въ кассу. А потомъ онъ приказалъ имъ продать весь лишній скоть и представить деньги въ кассу, а оставшійся скоть велѣлъ отправить на новое мѣсто поселенія, а потомъ строго заявилъ имъ: „если кто мой, тотъ скорѣй переселяйся, а если кто не хочетъ, такъ и не надо“. Увидѣвъ, что у нихъ ничего нѣтъ, они начали тогда поневолѣ переселяться съ ропотомъ и недовольствіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ ворочаются назадъ, не имѣя при себѣ ничего. А еще болѣе ихъ опечалило то, что на новомъ мѣстѣ поселенія морозъ убилъ хлѣбъ, а на старомъ мѣстѣ хлѣбъ уцѣлѣлъ отъ мороза. И теперь они наравнѣ со всѣми общинниками терпятъ недостатки въ пищѣ и въ одеждѣ и во всѣхъ домашнихъ потребностяхъ.

Послѣдній приказъ П. В. послѣдовалъ, чтобы въ каждомъ селѣ назначили двухъ женщинъ исправлять должность конюховъ. Чтобы каждая изъ нихъ досматривала пару лошадей, кормила и чистила ихъ, а также, какъ мужчина, всюду ѣздила на нихъ, гдѣ придется, тамъ и ночевала, въ лѣсу ли или на полѣ, на пашнѣ или въ городѣ. Этотъ порядокъ многимъ не понравился, а болѣе всего не понравился этотъ порядокъ тѣмъ мужьямъ, чьихъ женъ назначали быть конюхами.

Такъ какъ въ моемъ описаніи очень много говорится противъ П. В. и противъ порядковъ Канадской духоборской общины, то я думаю, что читающіе сіе описаніе могутъ предполагать, что я сердить на П. В. и на общину и потому пишу такъ. Но такія предположенія будутъ ошибочны, потому что, по моему понятію, нѣтъ никакого смысла сердиться на такихъ людей, какъ П. В., которые ослѣплены властью до безумія и объ нихъ нужно скорѣе пожалѣть, чѣмъ сердиться. А что касается общины, то я настоящую братскую общину люблю всѣмъ сердцемъ и всегда радъ жить въ ней, но никакъ не могу терпѣть того обмана и насилія, которымъ держится канадская духоборская община. Но потому я такъ прямо написалъ, что глубоко вѣрю тому, что не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. А разъ я пишу правду, то я даже и не думаю о томъ, какія отъ нея будутъ послѣдствія, потому что убѣжденъ въ томъ, что правда не дѣлаетъ никому вреда, а,

напротивъ, правда должна принести пользу, если не въ матеріальномъ, такъ въ духовномъ смыслѣ.

А также я думаю, что читающіе сіе описаніе могутъ прійти къ такому заключенію, что духоборы всѣ глупы и потому ихъ обманываютъ. Но и такое заключеніе будетъ неправильно, потому что духоборы не всѣ глупы, а есть среди нихъ люди даже очень высокаго ума. Можно надѣяться, что только молодое и будущее поколѣніе духоборовъ сможетъ совсѣмъ сбросить съ себя Веригинское рабство, и если только также будутъ стремиться къ любви и братству, то сумѣютъ создать сами для себя такой порядокъ жизни, при которомъ будетъ возможна счастливая христіанская жизнь.

Прежніе мои взгляды не согласуются съ настоящими. Это можно объяснить тѣмъ, что я въ то время находился еще подъ тѣмъ покрываломъ, подъ которымъ находится и теперь еще большинство духоборовъ. Хотя я уже тогда ясно сознавалъ всю ту правду, которую сейчасъ пишу, но тогда я еще не имѣлъ въ себѣ достаточной силы, чтобы переступить ту загородку, которою загораживается каждая секта въ отдѣльности, такъ что ложный страхъ тогда еще царилъ во мнѣ. Но теперь же то покрывало настолько стало тягостно, что и дышать подъ нимъ стало тяжело и смотрѣть темно, но для того, чтобы совсѣмъ сбросить его съ себя, много надо бороться самому съ собой.

Всѣмъ извѣстный духоборъ, старикъ Иванъ Махортовъ, котораго П. В. всюду возить съ собою и любить его за то, что онъ, Махортовъ, среди духоборовъ громко доказываетъ святость и величіе П. В. и этимъ укрѣпляетъ его власть, въ послѣднее время сильно заболѣлъ, и увидя, что приближается конецъ его жизни, какъ видно, почувствовалъ себя виновнымъ въ порабощеніи духоборовъ и въ порывѣ искренности со слезами высказалъ правду такъ: „Братья и сестры, просите Петра Васильевича, чтобы онъ васъ освободилъ, потому что я вижу, что съ этой жизни не выйдетъ добра, а вы только утратите и то, что у насъ есть хорошаго, что выработали мы и предки наши, а эта внѣшняя жизнь устраивается не для спасенія души, а для славы и для богатства.

А духовборцы должны искать духовнаго мира, а не славы человѣческой“.

Такъ же чувствуютъ и говорятъ многіе духовборы, потому что такой порядокъ жизни не удовлетворяетъ ихъ духовной потребности, они переживаютъ эту жизнь, какъ бы отбываютъ срокъ своего наказанія. „Что эта за жизнь“, говорятъ духовборы, „некогда подумать о самомъ себѣ. Мы сходились въ общину для того, чтобы зажечь любовью братскою, а теперь стало больше зла, чѣмъ было прежде. Почти каждый день исключаемъ другъ друга изъ общины, ссоримся и ненавидимъ и даже не разговариваемъ со своими братьями, и сами не знаемъ за что“.

„Мы все гонимся за машинами да за паровозами, и столько нацѣпляли долговъ на свою шею, что вѣкъ будемъ ходить по работникамъ и никогда не расплатишься, такъ и погибнешь во злѣ и ненависти. Боже мой, когда же эта жизнь перемѣнится?“

„Потерпите еще немного. Богъ дастъ, скоро все это измѣнится и опять будемъ жить по-братски, всѣ за едино“, говорятъ другіе духовборы. „Мы не съ того конца начали дѣлать общину. Намъ бы сначала сообщиться духомъ между собою, а мы начали сгонять коровъ въ одно мѣсто и называемся христіанами всемірнаго братства и стали гордиться собою; потому у насъ и не выходитъ дѣло“.

Василій Поздняковъ.

Р. С. Василій Николаевичъ Поздняковъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся и самостоятельно думающихъ духовборовъ. Это тотъ духовборецъ, который навѣстилъ Л. Н. Толстого въ 1898 г. и о которомъ Левъ Николаевичъ писалъ Черткову въ концѣ того же года:

„Очень меня радостно поразилъ В. Н. Поздняковъ. Какая удивительная ясность сознанія, мысли и чувства, и при этомъ и выдержка, и энергія, и, сверхъ всего, внѣшняя привлекательность“.

Анна Чертова, получившая отъ него рукопись „Правда о духовборахъ“ и опубликовавшая ее въ „Ежемѣсячномъ

журналъ“ за 1914 годъ въ №№ 6, 7, 8, 9, 10, откуда и мы позаимствовали эту интересную повѣсть, пишетъ по поводу впечатлѣній Позднякова вотъ что:

„Вполнѣ довѣряя его искренности и правдивости изложенія, мы, въ общемъ, совершенно раздѣляемъ его точку зрѣнія и не имѣемъ причины сомнѣваться въ дѣйствительности описываемыхъ имъ фактовъ. Поэтому мы печатаемъ его записки почти дословно, лишь съ небольшими редакціонными сокращеніями. Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти записки, прошло уже 6 лѣтъ, и постоянныя свѣдѣнія, получаемыя какъ отъ духоборовъ разныхъ направленій, такъ и отъ постороннихъ лицъ, живущихъ въ Канадѣ, подтверждають намъ въ общемъ горькую правду, изложенную Поздняковымъ въ его запискахъ“ *).

Тому, что пишутъ о духоборахъ друзья и послѣдователи духоборовъ, мы вѣримъ охотно. Думаемъ, что противники православной миссіи, по крайней мѣрѣ, автора только что опубликованныхъ записокъ не стануть упрекать въ тенденціозности.

Ал. Введенскій.

*) „Ежемесячный журналъ“. 1914 г. № 5, стр. 82.